

Вокруг Света

№5

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
- 3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ** (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

**4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.**

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни)

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настоящая книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:				Без приложений:			
На один месяц	—	р.	—	к.	На один месяц	—	р. — к.
„ три месяца	2	„	—	„	„ три месяца	1	„ 10 „
„ шесть месяцев	3	„	80	„	„ шесть месяцев	2	„ 20 „
„ двенадцать месяцев	7	„	—	„	„ двенадцать месяцев	4	„ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 5

1927 г.

АПРЕЛЬ

15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Мак. „Старые и новые“. (Ружейная Дука). — Н. Конан-Дайль. „Приключение в усадьбе Шоском“. — Лесник. „Лоси“. — Ю. Братов. „В лесах Бразилии“. — ** „О муравьях“. — К. Хирпичников. „Мой полет на воздушном шаре“. — Мак. „Путешествие в страну будущего“.

„ОБЕЗЬЯННИК“

Неволя губительно действует на всякое живое существо. Посадите могучего орла в тесную клетку и через некоторое время вы получите какую-то несуразно большую и облезлую птицу, которая нахохлившись будет сидеть почти без движения в своей тюрьме. Мы любим животных только в том случае, если оно продолжает жить и в неволе, не прозябать а жить, т. е. кормиться, двигаться, скрыватьсь, драться и т. д.

И если какое-либо животное обречено жить в неволе, то приходится создавать для него такие условия жизни, которые ближе всего подходят к естественной обстановке его вольной жизни. Только в этом случае мы будем и смотреть на животного и любоваться всеми его повадками, которых не уничтожила в нем подневольная жизнь.

Вот почему все зоологические сады как за границей, так и у нас, переходят теперь к новым приемам расположения всех своих животных, стараясь каждую породу поместить в наиболее привычную и естественную для нее обстановку. Наш рисунок изображает «обезьянник» в Лондонском Зоологическом саду. Всмотритесь в рисунок и спросите себя, так ли вел бы себя этот веселый народец, если бы ему пришлось сидеть взаперти в одной простой, хотя бы и большой клетке? Разбились бы все эти обезьянки на уютные и мирные группы, нежно выискивая друг у друга насекомых? Могли бы отдыхать они в такой небрежно раскинувшейся позе? И разве играли бы они с таким подъемом, разве дрались бы с таким воодушевлением?

Конечно, нет.

ОБ ОБЕЗЬЯНАХ

Обезьяны — предмет самого постоянного и горячего интереса для всех детей, но они же всегда волновали и научная мысль. Внешнее сходство обезьяны и человека, которое так резко каждому бросается в глаза, не таит ли оно намека и на сходство в умственной работе между ними? И чем больше пытливая мысль работала над этим вопросом, чем больше она собирала и накапливала нужный материал, тем больше приходила к тому выводу, что за внешним сходством обезьяны и человека скрывается также и умственное их родство. Результаты научных наблюдений над умом обезьян, мы сообщим нашим читателям в одном из последующих номеров журнала, а теперь поделимся живыми впечатлениями от посещения Берлинского Зоологического сада нашего соотечественника, проф. А. Цингера.

Горилла - самец, снятый на свободе.

Во время его пребывания в Берлине там гостил Джон-Даниэль III, обезьяна-горилла, настолько смысленная, что жила вместе со своим хозяином в одном из лучших отелей Берлина. Эта горилла только на несколько часов приезжала на автомобиле в Зоологический сад, где и помещалась в специально построенной большой клетке.

Джон-Даниэль — не велик ростом, но широк и мускулист; все тело покрыто темным, густым мехом, а голое лицо лоснится как вакса; ноздри огромные; к публике относится без всякого смущения, но часто презрительно фыркает, а иногда и плюнет в сторону особенно назойливых зрителей. Ходит опираясь на свои четыре лапы и изредка барабанит руками себя по груди. Вот ему надоело ходить по клетке или же он соскучился по своему воспитателю, который находится за дверью, в другой, теплой половине клетки. Он подходит к двери, старается ее открыть, уморительно заглядывает сквозь замочную скважину и стучится. Выходит воспитатель и останавливается среди клетки. Джон-Даниэль ластится к нему и заигрывает, чтобы в удобный момент вытащить из кармана воспитателя платок. Тогда он с довольным видом отбегает в сторону.

— Джон, зачем ты взял платок? Отдай! — Джон как будто и не слышит.

— Отдай платок! — настойчиво повторяет воспитатель, но Джон с лукавым видом мнет платок в руке и не шевелится.

— Сейчас же отдай платок! — решительно говорит воспитатель и слегка ударяет гориллу по плечу.

Немедленно физиономия Джона меняется: он надувается и, отвернувшись в сторону, отдает со вздохом платок. Тот прячет его в карман, а Джон стоит понуро и уныло.

— Ну, Джон, чего ты загрустил! Иди ко мне! — Джон радостно бросается на руки, обнимает и целует вытянутыми трубкой губами.

Но Джо заезжий, мимолетный гость, а в Берлинском Зоологическом саду есть и местные сторожилы, обезьяны-шимпанзе. Незадолго до мировой войны на острове Тенерифе, почти в тропических условиях жизни, устроена была станция для исследования умственных способностей шим-

панзе. Обезьяны жили на привольи и наблюдали только за их умением решать практические задачи. Напр., помещали ветку с лакомым бананом так, что обезьяна могла добраться до нее, только проявив свою изобретательность, нагромождая друг на друга ящики, соединяя две бамбуковые палки и т. д. В итоге этих наблюдений известный германский зоолог В. Бельше пришел к следующему выводу: «Если признавать существенную разницу между человеком и обезьяной, то я считаю уместным поставить вопрос, не следует ли шимпанзе признать особой человеческой расой». Когда станция была ликвидирована, ядро обезьян перевезли в Берлин, вместе с вожаким стака «Султаном». В Берлине одна из его жен подарила ему наследника, который был назван «Каспаром». Получилась редкая и любопытная возможность наблюдать за шимпанзинскими методами детского воспитания.

Шимпанзе.

Все самки больших обезьян всегда хотят кого-нибудь нянчить: маленькую обезьянку другой породы, котенка, кутенка, вплоть до цыпленка; словом, всякого и любого, кто только вынесет их тяжелую материнскую ласку. Но понятно, что детеныш своей собственной породы особо для них привлекателен; немудрено, что «Каспар» попал сразу в руки трех нянек, не считая родной матери. Ухаживать за младенцем стремились все; отсюда частые распри и драки. Не будь грозного «Султана», который круто умирал дамскую кампанию, ребенку-«Каспару» пришлось бы сильно пострадать от этих постоянных стычек. Едва «Каспар» подрос, мать принялась за его систематическое обучение, заставляя его ходить, лазить и преодолевать различные препятствия. Внезапно разразилась катастрофа: пролезая через перегородку, «Каспар» застрял. Мать неловко потянула его за руку, он завопил; на помощь поспешила одна из нянек и так потянула несчастного за руку, что он упал без чувств, но с вывихом и переломом левой руки. Произвели операцию и руку отняли почти до плеча; рана зажила, но сказались последствия ушиба — мозговые страдания и эпилептические припадки, от которых «Каспар» вскоре и умер.

В. Тан (В. Т. Богораз).

СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Трилогия из северной жизни.

■■■■■■

ЧАСТЬ I

РУЖЕЙНАЯ ДУКА

ОТ АВТОРА

Трилогия «Старые и Новые» связана из трех рассказов, составляющих вместе роман и обнимающих время обеих революций. Начало трилогии относится к 1905 г., продолжение к февралю и октябрю 1917 г., а конец к наступлению последних пепеляевских отрядов на реку Колыму в 21—22 г.г.

Я написал первый рассказ в 1914 году на самом пороге войны и с тех пор просто не успел напечатать и также не хотел напечатать, ибо в своем первоначальном виде это — рассказ без продолжения и даже без внутреннего смысла. Мы ведь не знали тогда, какое продолжение дадут судьба и история нашей короткой передышке между двух революций. Правда, мы видели, чем кончилась амнистия 1905 г. и как конституция стала погромом, а потом революция «эксом», и на девять лет затянулась волынка и вспыхнула война. Но дальше настал подземный провал, извержение вулкана — РЕВОЛЮЦИЯ со всех заглавных букв. И тогда почернели либералы и террористы стали «контрами». От «Экса» до «Контры», какое изменение предлогов.

В то время мы этого не знали и даже у завязанного фантаста не хватило бы воображения, чтобы предвидеть простую действительность.

На что не хватало фантазии, то стало обыденной прозой. Среди наступивших чудес, мы живем попрежнему бездумно и легко, как мыши после ливня, обсохшие на солнце.

Также и рассказ мой, прерванный германской шрапнелью и засыпанный золою Февраля и огненным пеплом Октября, теперь, наконец, просветлел, отстоялся и мог получить продолжение. В нем я хочу показать читателю и даже самому себе, как это «Эксы» сделались «Контрами» и как то, что считалось за подвиг, стало преступлением и то, что казалось преступлением, вылилось в подвиг.

Вторую половину моей маленькой трилогии писал не я сам, а ее написала революция.

Кто знает, сколько новых глав она еще припишет.

ТАН.

ГЛАВА I.

РУЖЕЙНАЯ ДУКА.

Имя ей было Дука, вместо русского Дунька. Также точно выходит Лика из Лизки и Нака из Настьки. Волосы у Дуки были черные, прямые, как конская грива, а глаза голубые с наружным углом, приподнятые вверх по-якутски, и это придавало ее лицу особую дикую яркость. В жилах ее смешалась различная кровь, славянская, якутская, юкагирская и еще, бог знает, какая. Впрочем, сама себя она называла «юсанкой» (русанкой), на странном наречии севера, картавом и сладком, похожем на лепет отсталых детей и на шелест птичьих крыльев в тихом полуночном блеске незаходящего солнца.

И когда она плавно спускалась по широкой реке Колыме в своем игрушечном стружке, челноке, долбленом из осины, она любила петь «досельные» рус-

В. Тан.

ские песни высоким и тонким голосом, дрожащим, как звон тетивы напряженного лука, особенно песню о «Голубе со голубицею»:

Они крылушками да обнимаются,
Они ноженками да опл таются,
Сахарными устами тут целуются.

Дука никогда не видала ни голубя, ни голубицы. И они представлялись ей странными и фантастическими птицами с человеческим лицом, с необузданной жадой любви, какая сжигает всю молодежь на северном море в бессонные яркие ночи короткого лета.

Ружейная Дука, однако, чуждалась любви и ни один молодой казаченок не мог бы похвастать, что он развязал вокруг ее крепкого стана сокровенный внутренний пояс. Этот развязанный пояс считается символом сдачи и по старому обычаю каждая девка защищает его и ногтями и зубами, сколько может, или сколько хочет...

Ружейная Дука обладала не женскою силой и в прошлое лето схватила Алешку Лебеденка за дерзкие руки и сбросила его прямо с обрыва в глубокую воду. Алешка выплыл на берег, но после того другие не смели подступаться. Самые упорные все-таки вздыхали на почтительном расстоянии и сквозь зубы напевали:

Ай Дука, Дукашок,
Дука — сахарный душок.

Дука родилась на рыбацкой заимке Веселой, в избушке, замеченной снегом, пред деревянным очагом, обмазанным серою глиной. Ярко пылали стволы «плавника» *) и оконная льдина голубела и плакала прозрачными слезами. Вместо холщевых простынь красное тельце малютки, по местному обычаю, упало на «родильную травку» и русская шаманка Анисья Однoboкая обтерла его пучком «гусяного сена» и вынесла за двери и окунула в режущий белый сугроб. При этом она приговаривала шопотом:

Дедушко, медведушко.
На тебе свежинку,
Дай мне снежинку...

Это был русский перевод старинной тунгусской молитвы лесному медвежьему духу.

После того тело новорожденной Дуки закалилось и стало нечувствительным к зимнему холоду и осенней простуде.

Дука росла на реке, и питалась свежей, «трепучею», рыбкой, святою едушкой. Когда ей еще не исполнилось

1) Сплавной лес, принесенный течением.

года, в соску ее вместо размятого хлеба закладывали жирную юколу, сушенную из нельмы, дебелий и плотной. Ржаная мука на реке Колыме стоит по полтиннику за фунт. За то колымская юкола, если бы ее вывезти в Питер, могла бы продаваться у де-Гурмэ, хотя бы по целковому за штуку, в качестве деликатеса. Когда подрастающая Дука встала на крепкие ножки, обутое в тюленью кожу, она бегала по берегу вслед за сплавляемым неводом, как голодная чайка, и вместе с другими ребятами подхватывала рыбную мелочь. Дети поедали рыбешку на месте сырым и живьем, трепетавшую в зубах.

Десяти лет вместе с мальчишками Дука садилась в челнок и скиталась по заводям, отыскивая линялую птицу. С непостижимым искусством она метала с навесной доски длинную «шатину», острогу, которая ныряла в воду, как проворная щука, разгоняя гусиное стадо и нанизывала шею за шеей на свою растопыренную вилку.

С двенадцати лет Дука ходила по ближним лесам на поиски белок. На тоненьких лыжах, обшитых оленьей шкурой, с луком за плечами, она перебегала от дерева к дереву, как-будто лисица, и пускала свои острозубые стрелы в косматые верхушки, наеженные жесткой хвоею. Лук был казацкий, старинного дела, он достался Дукe по наследству от бабкина брата, Макара Щербатых. С этим луком Макар бывало выходил на казенные парады. Ибо еще в половине XIX века колымские казаки выходили на парады по старинному реестру: «четные с луком, нечетные с пищалю».

Пищаль тоже висела на стенке у Щербатых, крепкая, с игрушечным ложем, полкой для пороху, кремнем и огнистым кресалом, но не было мужской руки, чтобы огласить окрестные пустыни ее отрывистым щелканьем, ибо семья Щербатых была «женская выть» от «девичьего корня», старая девка Наташа и ее четыре дочери, девченки погодки. Их звали на Веселой «Щербатые Девки» в отличие от других Щербатых-Но-

ским линиям, внебрачным, безотцовским. По старому поверью, когда отыщется семья из шести таких звеньев, то от шестой безмужней матери родится Антихрист. Впрочем, у Натахи Щербатых не было не только антихриста, но даже простого казаченка, чтобы по-

сачевых и еще от Щербатых-Гагар. Оттого-то у Дуки не было ни отца, ни деда, а только дядя по матери, да бабкин брат. В колымских рыбацких поселках не мало найдется точно таких же семейств от женского корня. Иные так и протянулись от бабки к прабабке по жен-

лучать из казны мучной паек и денежную выдачу, которую держалось на севере немудрое хозяйство этих странных казаков бесконного полка, приписанных в то время к министерству внутренних дел, в виде вечных рассыльных, всеобщих вестовых, часовых, денщиков и бесплатной охраны.

¹⁾ Выть — семья, род.

Весной на заимке Веселой начинался голод, привычный и потому не страшный. Месяц апрель — подведи животы, — надо терпеть поневоле. Жители туже затягивали пояс на брюхе, сметали последние крошки в рыбном амбаре, разваривали прелые кости, назначенные в пищу собакам, доставали из ям прогорклую «черную рыбу», пахнущую плесенью и трупом, и ждали половодья, гусяного лета и рыбьего хода.

Но пуще всего голодали Щербатые Девки, безотцовская выть. Натахины дочки росли, как-будто на опаре, и были жаднее налимов, ненасытнее гагар, которые до того объедаются, что засыпают на воде с рыбьим хвостом, торчащим из глотки.

Девки обдирали с окошек сушеный пузырь, доставали из мешков еще не копченую замшу, назначенную для продажи, и разваривали ее в кипятке вместо супа. Иной раз они злыми глазами поглядывали друг на друга, гостовые в случае нужды дойти до людоедства.

Однажды в такую голодную пору Щербатая Дука сделалась Дуксой Ружейной. Ибо она сняла со стенки родовую пицаль, подвязала широкие лыжи и ушла на Павдинские горы в березовый лес, а через три дня вернулась и принесла за плечом сохачиную губу, похожую на старую калошу, и пару увесистых почек, облепленных жиром. Сборок пудов вытянул сохатый, когда его вывезли с гор на лучшей упряжке собак, подобранной в целой заимке. Весельчане кормились до самой весенней добычи и даже отцу Тимофею в Середний Городок послали язык и пол-бока. После того Щербатую Дуку прозвали Дуксой Ружейной.

ГЛАВА II.

Дука плыла по широкой реке в тополевой лодке, сшитой тальничными (ивовыми) корнями и сбитой березовыми гвоздями без единого атома железа. С ней были две маленькие сестренки, Чичирка и Липка. Они спускались вниз по воде, сплавляя за лодкою невод. Он растянулся на 100 сажень и шел столбом поперек реки, слегка загибаясь по течению; поплавки из березовой коры чуть трепетали и играли, там, где проворные омули «ячеились в полотнище», застревали своими вертлявыми головками в нитяных петлях сетей.

Дука сидела на носу и слабо шевелила длинными веслами, словно бесперыми крыльями, выравнивая лодку. Это была летняя речная идиллия, забава и промысел вместе. Речная ширина на юге и на севере застыла, как жидкое зеркало, огромное красное солнце чертило в небесах бесконечную спираль, спускаясь к западу и снова восходя к востоку.

Неожиданно Дука привстала на скамье и приставила руку к глазам.

— Сверху идут, — сказала она, указывая на черную точку, мелькнувшую вдали.

— Русь едет, — прибавила она, присматриваясь внимательнее.

Черная точка выросла и превратилась сперва в лодочку, потом в лодку, потом в паузок, широкий и грузный, похожий на лохань. Над паузком сверху повисло полотно безжизненного паруса, почти не помогавшего течению.

На паузке ехала «Русь», «Мудреная Русь», как называют ее на реке Колыме. То были пришельцы с далекого запада, из «города Российска», туманного и странного, как-будто загробное царство. Их присылали десятками, потом увозили обратно и на место их присылали других. Были они молодые, но все в бородках.

«Мохнатые, как-будто старики», — говорили об них колымские девки с лукавой усмешкой...

Они привозили с собой всякие редкие штуки, сахар в головах и чай в цибиках, а книг столько, что хватило бы на десяток церквей, и шамана в трубе, который и божится, и плачет, и поет ¹⁾, умели налеплять на бумагу человеческую тень ²⁾. Звали их «государственные люди». Из самого царского места они получали «государственные письма» на орленных листах ³⁾. Этими письмами были обклеены стены домов во всем Середнем Городке и каждое было такое, что целую зиму читай, до конца не прочитаешь.

Колымские девки влюбленными глазами глядели на этих чужих молодцов. Но они только крутили головами, как медведи, и грудились вместе и спорили о чем-то, словно бранились, — вот-вот подерутся, — но никогда не дрались...

— Девки, собирайте, — поспешно сказала Дука, принимаясь за весла.

Повинуясь приказу, Чичирка и Липка встали в носу и принялись выбирать в лодку тугие веревки тетив, поминутно вынимая из ячей вертлявую полосу живого серебра.

— Тук, тук, тук! — прыгали омули в лодке. Паузок пристал к «домашнему берегу» заимки одновременно с лодкой Щербатых. С разных тоней, островных и заречных, тоже тянулись лодки, направляясь к поселку. «Русь» ехала из города и, наверное, везла и новosti и всякие припасы.

Приезжие укрепили на кольях свое неуклюжее судно и вышли на берег. Первым ступил на песок юноша высокого роста, в куртке, в рубахе из замши, но вовсе без шапки, с волнистою русой гривой.

— С приездом, — сказал Митрофан Куропашка, лохматый и белый, как старая береза, поросшая мохом.

На берегу уже толпилось все наличное население, старухи, старики, ребятишки. И в задних рядах раздалось, сперва несмело, потом громче, настойчивее:

«Табаку, табаку!...»

Полярному жителю курево, кажется, важнее, чем пища, особенно летом. По местной поговорке: «трубка не знает стыда». В случае нужды можно попросить на затычку у самого исправника... Митрофан Куропашка быстро закивал головой:

— Все искурили, кисеты искрошили, скобленное дерево палили, до горечи дожглись!..

Он говорил торопливо и резко, как-будто с наскуку, и у него выходило совсем как у белой куропатки: «кабеу, кабеу!...»

— Дай лемешину... силимчик... прошки понюхать... — просили то справа, то слева, уже не стесняясь. Лемешина кладется за губу для жвачки, *силим* набивается в трубку, а *прошка* в нос. Поречане истребляют табак, как только возможно и сколько возможно.

Высокий без шапки достал из-за пазухи косматую папушу табаку и щедрой рукой стал раздавать подходящим широкие и бурые листы.

— Пожалуйста, гости дорогие! — сказала жена Митрофана, Маланья, кланяясь в пояс. — Чем бог послал... Милости просим...

Ненарушимый обычай требует устроить для приезжего, для гостя, торжественный пир, отдать ему последний кусок, даже в голодное время.

— Для гостя украсть не грех, — говорят поречане реки Колымы, не хуже арабов.

¹⁾ Грамофон.

²⁾ Фотография.

³⁾ Газета, в частности, «Правительственный вестник» с орлами на страницах.

Высокий без шапки неспешными шагами стал подниматься на гору к жилью. Дука смотрела ему вслед внимательно и любопытно. Он был выше головой не только поречан, но даже и собственных товарищей, шагавших сзади растянutoй кучкой, выше, пожалуй, всего населения на реке Колыме и в целом округе, величиною в три германские империи, сложенные вместе. Каблуки его русских сапог, подбитые железом, оставляли на глине следы, как круглые копыта, но длинные ноги его шагали осторожно и упруго, как будто на пружинах.

«Ровно сохатый в лесу», — подумала Дука. Ибо сохатый тоже отличается проворством и умеет протиснуться даже сквозь двойную березу, растущую парой стволов из общего корня.

Губы у него были крепко сжатые, словно каменные, и русая бородка завивалась на щеках, как шерстка у оленьего теленка-кудряша.

Он показался простодушнoй поречанке существом какой-то нездешней породы, «осилком» из старой бы-
лины.

— Счастливой дороги, — ответил Викентий Авилов и голос его поплыл, как колокол, над сонной рекой.

Речная артель отвалила. Паузок со скрипом и скрежетом снялся с причала и выплыл на вольную воду.

ГЛАВА III.

День и другой прожил Викентий Авилов на заимке Веселой, изумляя простодушных поречан своею огромной фигурой и невиданной силой. В первый же вечер, когда воротились с заречных песков лодки, груженные рыбой, он спустился к берегу вместе с другими, подошел к самой большой лодке, взялся, потянул... Раздался треск тополевого дерева.

— Кор, кор (берегись)! — закричали в испуге рыбаки по- якутски.

Они опасались, что в этих могучих

руках утлая лодка расколется на-двое, как скорлупа яйца.

Авилов посмотрел на кричавших, потом не торопясь, как делал все, подобрал с земли пару деревянных обрубков, коротких и круглых, и подложил их под лодку. Перекатывая эти кат-

«За руку схватит, рука прочь, за ногу схватит, нога прочь», — прозвенели беззвучно в ее певучей памяти «проголосные», тягучие слова.

И будто привлекаемый взглядами Дуки, «Осилко» повернул голову и посмотрел на нее сурово и спокойно из-под сдвинутых бровей.

После угощения русские пришельцы в том же порядке вышли из приветливого дома Митрофана Куропашки и направились к берегу. Высокий без шапки на этот раз шел сзади, но вместо того, чтобы спуститься на берег, он свернул направо вдоль по угору, у самого края домашней площадки поселка. — «Викентий, иди!» — окликнул его один из товарищей, низенький, крепкий и круглый, с бронзовой кожей и медной густой бородой, словно весь он был отлит из яркого металла.

Викентий не ответил. Приезжие перешли на паузок и стали отвязывать канаты и готовить отвальные шесты.

— Авилов, ого! — еще раз окликнул другой из артели, смуглый, бородатый, с мощной осанкой, похожий на картинку из ветхого завета. — Идите, уезжаем!..

ки все выше и выше, он один вытащил лодку на берег вместе с грузом. Рыбаки шли сзади, опустив руки от изумления.

На следующее утро Авилов отправился в лес и к вечеру стал выносить из непроходимой чащи очищенные бревна, правда не толстые, но все-таки такие, что впору увезти на лошади и то зимою, ибо колымские леса не знают колес и летней перевозки. Через пять дней такого лошадиного труда с краю заимки Веселой выросли бревенчатые стены в рост человека. Работал Авилов попрежнему не торопясь, но очень аккуратно, забивал мхом пазы и замазывал их глиной снаружи и внутри. А крышу накладывать не стал, только затянул потолок над избушкой синим холстом, который достался ему от товарищей паузка. Ибо они выгрузили для него в ближайшем поселке и сахар, и холст, и табак, и всякие другие товары.

В странной избушке, покрытой холстом, завелись большие богатства, конечно, на колымскую мерку. Авилов раздавал не считая. Избушка, покрытая холстом, стала как-будто бакалейной лавкой для соседских детей. А сам он не брал у других ничего, даже

обеда. Он завел себе сеть и просто толкал ее с берега в воду на длинном шесте. Того, что попадалось, хватало на еду. Рыбу он пек на углях. Вся жизнь его приблизилась к природе и стала первобытнее и проще, чем даже у Яшки Худого, самого бедного жителя на заимке Веселой. Только в одном отношении он уклонился от голоса природы, замыкаясь в неприступном одиночестве и суровом молчании.

Весельчанские девки качали головой и потихоньку злились. По старому обычаю для местных девиц считается обидой, ежели парень, пришелец из соседнего поселка, живет одиноко и не глядит ни на одну. Но тут был человек особенный, чужой. Как приступить к такому?.. Отчаянная Дашка Кузакова, прозванная Сардонкой (щукой) за свою ненасытность, прибежала к нему в солнечную полночь просить табаку на лемешину, а потом не утерпела, села на кровать и сказала: «Ни за что не уйду».

Он молча и спокойно взял ее на руки, вынес за дверь и поставил на землю.

Однако, своими серыми зоркими глазами Викентий Авилов внимательно рассматривал всех молодых девиц заимки Веселой. Но ни одна из них не была ему по нраву. Ибо все они жили, по мест-

ной половице: «Баба не калач, один не съешь». Нравы у них были спокойно бесстыдные, как у оленей на тундре. Только одна держалась в стороне, не подходила, не заговаривала и даже не желала получать своей доли из тех заманчивых товаров, которые считались как бы общественным достоянием заимки Веселой.

— Чья это девка? — спросил он однажды у Дашки Сардонки, к которой он сохранил после ее неудачной атаки все-таки дружественные чувства.

И Дашка ухмыльнулась и сказала:

— Это — дикоплешая (полуумная) Дука, щелкает стрелкам по белкам, а рукам по щекам... Дуку и лешие боятся...

Однажды, в безветренный вечер, когда солнце спустилось и повисло над заречными лесами и словно задумалось, спуститься ли еще ниже или уже подниматься, Викентий Авилов стоял на пригорке перед своей избушкой и любовался на яркую полночь. Сутки кончались и вновь начинались. Воздух был насыщен золотом, бледным, волнистым, словно разбрызганным в пространстве. Солнце было огромное, как круглая гора, и на него можно было смотреть простыми глазами и, если долго смотреть, гора превращалась в провал, в круглый колодезь текучего алого света.

Солнце подвинулось к утру, но многие все еще не спали. В летнее время на севере живут беспорядочно и с трудом разбираются, где кончается вчера и где начинается завтра. Птицы, привыкшие к более правильной жизни на юге, снялись с речных заводей и потянулись за тундренный берег на тихие болота. Чета лебедей низко протянула над самыми домами поселка. Они летели важно и прямо, как связанные вместе невидимой нитью; их серебристые перья были словно позолочены жидким сиянием солнца.

И вдруг из-за груды плавника, собранной с берега подростками и бабами на общее зимнее топливо и высокой как дом, мелькнули две смуглые руки в петле напряденного лука, похожей на заглавное д: щелкнула, запела тетива, и лебедь словно подскочил налету, опустил обезсиленные крылья и рухнул на землю. Можно было видеть, как тоненькая стрелка дрожит в в его шее, похожей на белую змею.

Ружейная Дука с резким и радостным криком выскочила из-за прикрытия. С луком, протянутым вверх в упоении победы, высокая и сильная, она показала Викентию какой-то бессмертной охотницей Дианой с реки Колымы. Другой лебедь, однако, не свернул и не поднялся в высоту. Он пролетал над домами так же торжественно, прямо, с распластанными крыльями. Он был теперь как раз над головой Викентия Авилова. И вдруг, повинаясь мгновенному побуждению, юноша выхватил из кармана браунинг и выстрелил вверх. Лебедь, пораженный в голову, шлепнулся об землю, как тяжелый мешок.

— Го-гой! — крикнула Дука-охотница азартнее прежнего. Она подхватила свою пернатую добычу, перекинула через плечо, как мягкую сумку, и придерживая ее за голову, стала быстро приближаться к Викентию Авилову. Он безотчетно нагнулся, подобрал свою птицу и тоже перекинул через плечо. Они стояли теперь друг перед другом в позах картинных и странных, как новые Адам и Ева охотничьего рая.

— Покажи, — спрашивала Дука с горячим любопытством, — чем же ты стрелял, винтовкой?..

— Какая она мачеконьякая... — протянула она жалостно, разглядывая тонкий граненый клубок вороньей стали в руке Викентия. — То не винтовка, только ребенок винтовочный...

Несмотря на свою обычную важность, Викентий усмехнулся.

— И где ты стрелять научился, скажи, — настаивала Дука. — По чем у вас в «Российском» стреляют, по зверям, по оленям?

Викентий покачал головой.

— По птицам, по гусям? — настаивала Дука. — Что у вас в Российском живое?...

— По людям, — воскликнул Викентий сердито и неожиданно, и серые глаза его вспыхнули странным огнем...

— Грех! — протянула Дука с недоверчивым испугом, но лицо ее сейчас же просветлело.

— Звонишь, обманывашь, — сказала она, качая головой, — а я, дура, слушаю...

— Разве возможно стрелять по людям?...

— А разве нельзя? — бросил Викентий спокойно, как всегда. — Почему?

— Ну, ну, — ворчала успокоительно Дука. — Чать, люди братья... Потому и нельзя...

— Братья?... — переспросил, как эхо, Викентий.

— А как же? — настаивала Дука с важностью, — взять хоть у нас на Веселой. Все у нас братья, да сестры, кои двухродные, а кои трехродные. И всего у нас два имени, Щербатые да Кузаковы.

Викентий не нашелся, что ответить. Мир Дуки был узок и мал, как лужайка в лесу, и все населявшие его были действительно братьями. Они цеплялись один за другого, как белки зимой в дупле, и могли сохранять искру живого тепла, только согревая друг друга, как живая и мягкая гроздь.

Дука тоже помолчала и посмотрела на российского пришельца весело и вместе нерешительно. Мысли ее теперь устремились к более близким предметам, чем охота в «Российском».

— Ты сильный? — спросила она, наконец, и без особых церемоний дотронулась пальцем до мускулов юноши, торчавших под замшей рукава, как упругие ядра.

Викентий кивнул головой.

— А дерево вырвешь?..

Викентий молча ступил вперед, схватил молодую березку и внезапным усилием выдернул ее из земли вместе с корнями.

— Огой!..

Любознательный палец поречанки поднялся выше, чем прежде, и дотронулся до груди российского пришельца, белевшей из-под раскрытого ворота.

— Какая волосатая!.. — сказала она с детским любопытством. — Однако, от этого сильный...

— Медведь волосатее того, а как высоко скачет, — прибавила она с очаровательным простодушием.

Викентий невольно рассмеялся.

— Мы и медведям заедем, — сказал он весело. Он чувствовал себя с Дукой удивительно просто. Словно ему было 10 лет, а ей 8, и они собирались играть в «охотника и зверя» на ближней лужайке за этой косявой избушкой.

С той ночи Ружейная Дука стала часто подходить к домику, покрытому холстом. Она забрасывала юношу вопросами об этом неведомом «Русском», «Рос-

сийском», откуда в досельное время излился источник ее собственной крови.

— Что это, город, большой... Больше Середнего, в три раза, в сто раз?..

И недоверчивым удивлением она встречала сообщение, что «Российск» это вовсе не город, а огромная страна, сотни городов, тысячи селений, а в самых больших городах есть тысячи домов, а каждый дом в шесть рядов, как клетки в осином гнезде, и в одном только доме больше народу, чем на целой реке Колыме.

— Тысячи, тысячи тысяч, — звенело в ушах у наивной дикарки. Ей представлялись несметные толпы людские, кишачие на улицах, как толкун комаров, в шесть рядов, одни над другими, ибо места на всех не хватает.

— И достает на них рыбы, — спросила она с недоумением. — Где же это они все ловят?..

И Викентий в ответ пояснил, что все они питаются не рыбой, а хлебом...

— Хлебом, — с уважением переспросила русская дикарка. — Угу, какие богатые!..

Ибо на заимке Веселой и на всей Колыме хлеб был предметом недосыгаемой роскоши, доступной только на святках и в весеннюю пасху, и то для немногих.

Мысли ее опять перешли к другому предмету, более достойному внимания, чем хлеб или рыба.

— А девок у них много? Больше, должно быть, чем парней?

— Почему больше? — переспросил с удивлением Викентий.

— У нас видится больше, — простодушно объяснила Дука. — Мы вот четыре сестрички, а братца так нету.

— А какие у них девки, хорошие, должно быть? — сказала она и нахмурила брови.

Викентий усмехнулся.

— Бывают худые, а бывают хорошие — такие, как ты...

И немного неожиданно для самого себя он протянул свою крепкую руку и положил на плечо Дуки Щербатых.

Но Дука отшатнулась, как уколотая, и сбросила прочь эту широкую ищущую руку.

— Не трогай! — крикнула она, и лицо ее залилось горячим румянцем гнева и вместе стыда. — Ступай к своим хорошим... — На следующий вечер она не приходила и даже не явилась поутру. Викентий прошел по тропинке мимо избушки Щербатых и наткнулся на Дашу.

— Ищешь? — спросила она игриво и сердито. — Победа твоя уехала на Чиркинскую косу. До утра не вернется...

— А я разве хуже? — спросила она с задорной улыбкой.

— Я сладкая, — прибавила она просто и даже посвоему скромно.

— Хуже, — угрюмо ответил Викентий и повернул к своему дому.

(Продолжение следует).

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В УСАДЬБЕ ШОСКОМ

Рассказ А. КОНАН-ДОЙЛЯ.

Шерлок Холмс долго сидел, склонившись над микроскопом, и когда он, наконец, выпрямился, я прочел в его глазах ликование.

— Это — клей, Ватсон! — сказал он. — Не может быть никакого сомнения, это клей. Только взгляните на эти точки, разбросанные в поле зрения микроскопа.

Я наклонился и взгляделся в объектив.

— Вот эти волоски — не что иное, как нити от пиджака. Вот эта бесформенная серая масса — пыль. Налево вы видите крохотные чешуйки с кожи человеческого тела. А эти коричневые пузырьки в середине, без всякого сомнения, клей.

— Но что же из этого? — сказал я и расхохотался. — Я готов поверить вам на слово, но не понимаю, к чему все это ведет.

— Как бы то ни было, это весьма и весьма поучительно! — ответил Холмс. — С тех пор, как я изобличил того фальшивомонетчика, если помните, благодаря опилкам цинка и меди, обнаруженным в шве его рукава, Скотланд-Ярд¹⁾ стал понимать, наконец, как велико значение микроскопа. Сегодня должен был быть у меня новый клиент, — добавил он, нетерпеливо поглядывая на часы, — но он опоздал. Кстати, скажите, Ватсон, вы в бегах что-нибудь понимаете?

— Еще бы мне не понимать! Бега стоят мне половину пенсии, которую я получаю за свои раны.

— В таком случае, вы будете моим учителем в этой области. А скажите, такое имя, как Роберт Норбертон, что-нибудь говорит вашему уму или сердцу?

— Ну, конечно! — отозвался я. — Он живет в усадьбе Шоском. Я превосходно знаю это место, так как прожил как-то целое лето неподалеку оттуда. Норбертон, кстати, чуть было не очутился однажды в сфере вашей деятельности.

— Каким же это образом? — спросил Холмс, пристально взглянув на меня.

— Это было тогда, когда он так отделал хлыстом знаменитого ростовщика Сэма Брюэра, что чуть не отправил его на тот свет.

— Вот как! Это звучит очень интересно. Часто Норбертон такими делами занимается?

— Этого я не могу вам сказать, но, во всяком случае, у него репутация весьма опасного человека. Между прочим, он один из самых отважных и бесстрашных наездников Англии. Он также играет на тотализаторе, занимается боксом, атлетикой, большой любитель красивых женщин и, судя по тому, что о нем говорят, он так запутался в долгах, что едва ли ему когда-нибудь вывернуться.

— Замечательное, Ватсон! Краткое, но исчерпывающее описание. Сдается мне, что я знаю этого человека. Не будете ли вы любезны сказать мне что-нибудь про эту самую усадьбу Шоском.

— Я знаю только, что она расположена в середине парка того же названия, и что там находится также знаменитое поле для тренировки беговых лошадей.

— И главного тренировщика зовут Джон Мейсон? — закончил за меня Холмс. — Напрасно вы так изумляетесь моим сведениям, Ватсон, потому что письмо, которое вы видите у меня в руках, я получил именно от этого человека. Давайте вернемся опять к усадьбе Шоском. Кажется, мы набрали на весьма богатую жилу.

— Я слышал также о знаменитых болонках, которые разводятся в Шоскоме, — продолжал я. — Про них упоминается на каждой собачьей выставке. Это одна из самых лучших пород в Англии, и хозяйка Шоскома чрезвычайно гордится этим.

— Я полагаю, что вы говорите о жене сэра Норбертона?

— Сэр Норбертон никогда не был женат. Он живет у своей сестры — вдовы, лэди Беатрис Фолдер.

— Вы хотите сказать, что она живет у него? — поправил меня Холмс.

— Нет, нет! Усадьба принадлежала ее покойному мужу, Джемсу Фолдеру, и Норбертон не имеет на нее никаких прав. Вдова пользуется доходом с усадьбы лишь пожизненно, а после ее смерти все имущество переходит к брату ее покойного мужа.

— И надо полагать, что ее братец тратит все доходы на себя?

— Приблизительно так оно и есть. Он — сущее исчадие ада, но, тем не менее, мне передавали, что его сестра чрезвычайно предана ему. Однако, я все еще не знаю, почему вас так интересует усадьба Шоском. Что-нибудь неладное там?

— Вот это я и хочу сам выяснить. И мне кажется, что сюда направляется человек, который может нас просветить по этому делу.

Дверь открылась, и слуга пропустил в комнату высокого, чисто выбритого джентльмена. При одном взгляде на его лицо можно было сразу сказать, что этот человек имеет дело либо с тренировкой лошадей, либо с воспитанием мальчиков. Он поклонился с сознанием своего достоинства и опустился на стул, на который указал ему Холмс.

— Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

— Да. Но оно мне ничего не говорит.

Вот эти волоски, нити от пиджака.

— Видите ли, дело слишком щекотливое, чтобы излагать все детали на бумаге. И к тому же, слишком сложное. Во-первых, мистер Холмс, я полагаю, что мой хозяин, сэр Норбертон, с ума сошел. Когда человек совершает один странный поступок или даже два, это можно еще простить. Но когда все его поведение становится странным, тогда поневоле начинаешь задумываться. Я так думаю, что он свихнулся в связи с предстоящим дерби¹⁾ и «Принцем».

— Я предполагаю, что вы говорите об одной из ваших лошадей, не так ли?

— Совершенно верно, мистер Холмс и, добавлю, об одной из лучших в Англии. Поверьте, я знаю толк в таких вещах. Позвольте мне быть откровенным с вами. Я знаю, что вы джентльмен и человек своего слова и то, что я скажу вам, не выйдет за пределы этой комнаты. Сэр Норбертон должен выиграть это дерби. Он по уши в долгу, и это — его последняя ставка. Он поставил на эту лошадь все, что мог собрать или занять.

— Но чем это объяснить? Неужели лошадь так хороша?

— Публика и не догадывается, до чего эта лошадь хороша. Сэр Норбертон достаточно умен, чтобы до поры

¹⁾ Уголовный розыск Лондона.

¹⁾ Общеанглийские рысистые бега, на которых выдаются крупные призы.

до времени не открывать своих карт. На тренировках вы можете видеть только полукровного брата «Принца». Этих двух коней не отличить друг от друга, но к финишу «Принц» всегда приходит на две головы раньше. И сэр Норбертон ни о чем другом, кроме этой лошади, не думает. До дерби ему еще удастся как-нибудь удержать осаждающих его ростовщиков, но если «Принц» не оправдает себя, сэру Норбертону крышка!

— Однако, довольно отчаянная игра! — заметил Холмс. — Но все-таки, я еще не вижу, из чего вы выводите заключение, что он с ума сошел?

— Видите ли, достаточно уже взглянуть на него. Мое мнение таково, что он не спит по ночам. Вы можете заставить его в конюшне во всякое время дня и ночи. Глаза у него стали какие-то одичалые. Очевидно, его нервы не выдержали напряжения. А потом, надо еще принять во внимание его поведение по отношению к лэди Беатрис.

— В чем же дело?

Да как пустится бежать — только его и видели!

— А в том, что они раньше всегда были лучшими друзьями. У них были одни и те же вкусы, и сестра так же любит лошадей, как и ее брат. Каждый день она в точно назначенное время отправлялась навестить лошадок и больше всего она любила «Принца». Последний только, бывало, слышит скрип ее экипажа по песку, и тотчас же начнет прятать уши, а потом пустится галопом ей навстречу, чтобы получить свою порцию сахара. Но теперь всему этому наступил конец.

— Почему?

— Очевидно, лэди Беатрис вдруг потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже целую неделю, как она проезжает мимо конюшен и даже «доброе утро» не скажет.

— Вы предполагаете, что между братом и сестрой произошла ссора?

— И ссора, надо полагать, бешеная, мистер Холмс! В противном случае, почему бы он стал дарить ее любимую болонку, которой она дорожила так, словно это был ее родное дитя. А сэр Норбертон несколько дней тому назад подарил собачку старому Барнесу, владельцу харчевни «Зеленый Дракон», что в трех милях от Грендаля.

— Это действительно странно! — согласился Холмс.

— У старой лэди слабое сердце, да еще водянка, и сэр Норбертон каждый вечер проводил часа два с нею. Ничего удивительного в этом. Он имел все основания быть внимательным к ней, так как она была ему всегда на редкость хорошим другом. А теперь он никогда и не подходит к ней, а ей это, конечно, больно. Она стала такая хмурая, всегда задумчивая и что хуже всего, она начала пить, мистер Холмс. Как рыба пьет!

— А раньше случалось, что она пила?

— Как вам сказать, — иногда она брала стаканчик. Но теперь, как мне рассказывал Стивенс, ее слуга, она иногда целую бутылку за один вечер выпивает. Нет, мистер Холмс, все у нас пошло шиворот на выворот, и что-то такое тут неладное. А потом, позвольте вас спросить: что делает сэр Норбертон по ночам в склепе, который находится под старой часовней? И что это за человек, с которым он там встречается?

Холмс довольно потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон. Ваш рассказ с каждой минутой становится интереснее.

— Мне рассказывал об этом его слуга, который все видел собственными глазами. Это было в двенадцать часов ночи и, между прочим, дождь лил, как из ведра. А на следующую ночь я долго не ложился спать, и опять хозяин куда-то вышел. Мы со Стивенсом пошли за ним, но, конечно, украдкой, так как плохо пришлось бы нам, попадись мы ему на глаза. Сэр Норбертон не такой человек, чтобы кого-нибудь уважать, а когда он еще разойдется, то дает полную волю своим кулакам. Итак, как я уже говорил, мы старались не подходить слишком близко. Но тем не менее мы заметили, что он спустился в склеп, в котором, как рассказывают, водятся духи, и там его дожидался какой-то человек.

— А что представляет собою этот склеп, в котором водятся духи? — поинтересовался Холмс.

— Видите ли, сэр, в середине парка стоит старая разрушенная часовня. Такая старая, что никому не установить, когда она была построена. И вот под ней находится склеп, который пользуется дурной славой среди нас. И вот, позвольте вас спросить, что мой хозяин делает там по ночам?

— Обождите! Вы говорите, что там он встречается с другим человеком. Но, может быть, это один из ваших же грумов или кто-нибудь из слуг? Ведь вам, казалось бы, стоило только проследить этого человека и расспросить его.

— Нет, мистер Холмс, я никогда до этого его не видел.

— Как вы можете быть уверены в этом?

— Потому что я видел его после этого, мистер Холмс! Это случилось во вторую ночь, когда мы со Стивенсом решили проследить хозяина. Сэр Норбертон прошел мимо нас (мы лежали в кустах и дрожали, как два зайца, так как луна светила довольно ярко), но когда мы услышали, что сзади идет тот, другого, которого нам нечего было бояться, мы дали хозяину пройти, а потом выпрыгнули и, как ни в чем не бывало, пошли за незнакомцем. Самым невинным тоном я обращаюсь к нему: «Здорово, дружище! Кто вы такой и откуда бредете?» Надо полагать, что он не расслышал наших шагов. Когда он посмотрел на нас, то поверьте мне, рожу у него была словно у дьявола, только что выскочившего из преисподней! И как завизжит, да как пустится бежать — только его и видели! Так он и скрылся во мраке, и мы не узнали, кто он такой и откуда он взялся.

— Но вы ясно видели его при свете луны?

— Совершенно ясно, мистер Холмс. Я мог бы поклясться в этом прямо ему в лицо, прямо в его омерзительную псиную харю, я бы сказал. И что могло быть у него общего с сэром Норбертоном?

Холмс долгое время сидел, погруженный в глубокое раздумье.

— У лэди Беатрис Фолдер есть компаньонка? — спросил он, наконец.

— У нее есть только горничная, Кэрри Иванс. Она уже пять лет служит у нас.

— И она, несомненно, предана своей хозяйке?

Мистер Мейсон слегка замаялся.

— Предана-то она предана, но только я не скажу — кому.

— А! — многозначительно произнес Холмс.

— Я не могу сор из избы выносить, — добавил мистер Мейсон.

— Мне все понятно! — успокоил его Холмс. — Судя по описаниям доктора Ватсона, ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности в присутствии сэра Норбертона. Уже не думаете ли вы, что эта горничная явилась причиной ссоры между братом и сестрой?

— Право, не могу сказать, мистер Холмс, но эта скандальная история уже давно у всех на языках.

— Но возможно, что лэди Беатрис не замечала этой связи раньше. Предположим, что она совершенно неожиданно обнаружила это. И вот она принимает решение сейчас же избавиться от своей горничной, а ее брат не позволяет этого. Лэди Беатрис, как человек со слабым сердцем, не будучи в состоянии свободно передвигаться, не имеет возможности добиться своего. Ненавистная горничная все еще находится при ней. Лэди Беатрис ни с кем не разговаривает, все время проводит у себя и, наконец, начинает пить. Сэр Норбертон, разгневавшись на нее, забирает у нее ее любимую болонку. Как вам кажется, вьется все это вместе?

— Да, пожалуй! — не совсем уверенным тоном согласился мистер Мейсон. — «Постольку-поскольку», — добавил он.

— Вы правы. Постольку-поскольку. Все это хорошо, но только при чем тут эти ночные визиты в склеп? Вот чего я никак не могу понять.

— Вот именно, сэр, вот именно! И потом есть еще кое-что, чего я никак не пойму: зачем сэру Норбертону понадобилось откапывать покойника?

Холмс выпрямился на стуле, едва услышал последние слова.

— Да, да! — продолжал тот. — Мы только вчера обнаружили это, и я сейчас же написал вам. Вчера, когда сэр Норбертон поехал в Лондон, мы со Стивенсом отправились в склеп. Там все было в порядке, сэр, если не считать того, что в одном углу лежала часть человеческого тела.

— Я полагаю, что вы немедленно известили полицию? Наш гость улыбнулся бескровной усмешкой.

— Видите ли, сэр, едва ли это могло бы интересовать полицию. Наша находка заключалась всего лишь в человеческом черепе и в нескольких костях, которым, возможно, уже сотни лет. Но я знаю, что их не было на том месте раньше. Мы со Стивенсом оба готовы поклясться в этом. Эти кости были положены в дальний угол и прикрыты несколькими дощечками, но раньше в этом углу ничего не было.

— Что же вы сделали с этими костями?

— Ничего. Мы оставили их там, где нашли.

— Очень благоразумно с вашей стороны! Вы говорите, сэр Норбертон вчера уехал, — он уже вернулся?

— Нет, мы ждем его сегодня.

— А когда ваш хозяин отдал любимую болонку своей сестры?

— Ровно неделю тому назад, сэр! Бедное животное целый день выло на дворе, и сэр Норбертон поймал его, и я уже подумал, что он задушит несчастную собачонку. Но он отдал ее одному из наших жокеев и велел отнести старому Гарнесу, владельцу «Зеленого Дракона».

Холмс некоторое время сидел в глубоком раздумьи и сосал трубку.

— Мне все-таки непонятно, мистер Мейсон, — сказал он, наконец, — чем я вам могу быть полезен? Не можете ли вы более определенно изложить ваше дело?

— Возможно, что это покажет вам, что я хочу от вас, мистер Холмс! — сказал наш гость и, достав из кармана какой-то пакетик, развернул его и показал обугленный кусочек кости.

— Где вы это взяли? — спросил Холмс, с интересом изучая необычайную находку.

— Видите ли, сэр, усадьба Шоском имеет центральное отопление и топка находится как раз под комнатами лэди Беатрис. Мы уже некоторое время не топили, но на днях сэр Норбертон стал жаловаться на холод, и тогда один из моих ребят, по имени Гарвей, снова развел огонь. А сегодня утром он явился ко мне и показал мне, что он нашел, когда прочищал зольник. Уж больно эта штука ему не понравилась.

— Не могу сказать, чтобы это и мне нравилось, — сказал Холмс. — Что вы на это скажете, Ватсон?

Несмотря на то, что косточка была совершенно обуглена, не могло быть никакого сомнения относительно ее происхождения.

— Это верхняя частица бедренной кости! — тотчас же определил я.

— Совершенно верно! — согласился Холмс, и лицо его слегка нахмурилось. — А когда ваш Гарвей прочищал топку?

— Он каждый вечер прочищает ее, засыпает в нее угля и оставляет до утра.

— Значит ночью кто угодно может пройти туда?

— Совершенно верно.

— А как туда можно войти. Изнутри?

— Есть дверь снаружи и есть дверца со стороны лестницы, которая ведет в комнаты лэди Беатрис.

— Гм! — пробормотал Холмс. — Темное дело, мистер Мейсон. Темное и весьма подозрительное. Вы говорите, что вчера ночью вашего хозяина не было дома?

— Не было, сэр.

— В таком случае, кто же сжигал эти кости, если не он?

— Вот этого я не могу сказать, сэр.

— А как называется харчевня, о которой вы говорите?

— «Зеленый Дракон».

— А рыба в ваших местах водится хорошая?

Тренировщик беговых лошадей посмотрел на Холмса с таким видом, словно он хотел сказать, что судьба послала еще одного безумца на его пути.

— Говорят, сэр, что в реке нашей водится много плотвы, а в озере — изрядные караси.

— Этого вполне достаточно для нас. Мы с Ватсоном такие заядлые рыболовы, не правда ли, Ватсон? Отныне наш адрес — «Зеленый Дракон». Мы сегодня же вечером будем там. И едва ли я должен говорить вам, мистер Мейсон, что мы временно не хотим вас видеть. Но если вам нужно будет, вы можете написать, и точно также я найду вас, если буду нуждаться в вас. Когда мы немного разберемся в этом деле, я сам поделюсь с вами добытыми сведениями.

***

Вот как случилось, что однажды вечером, в начале мая, мы очутились в старинной харчевне близ Шоскома, где гостеприимный хозяин, старый Джосна Барнес, с большим сочувствием и интересом отнесся к нашему плану — истребить всю местную рыбу.

— А как насчет озера близ усадьбы? — спросил Холмс, как бы между прочим, во время разговора. — Там наверное жирные караси водятся?

Лицо старого Барнеса затуманилось.

— Нет, сэр из этого ничего не выйдет. Вы можете сами очутиться в озере, раньше чем поймаете хоть одну рыбу.

— Почему же это? — удивился Холмс.

— А потому, что озеро принадлежит сэру Норбертону, а он человек тяжелый. Тем более, что вы оба люди для него чужие, а если он заметит вас близ своего бегового поля, то вам не сдобровать. Сэр Норбертон не такой человек, чтобы рисковать своими лошадьми.

— Что-то мы слышали, будто одна из его лошадей участвует на предстоящем дерби?

— Совершенно верно, сэр! И превосходный жеребец к тому же. На него поставлено все, что только сэр Норбертон мог собрать. Кстати, — добавил он, задумчиво глядя на нас, — вы сами-то не интересуетесь ли бегами?

— Нет, нет, уверяю вас! Мы всего лишь два лондонца, чрезвычайно утомленные, и очень нуждаемся в чудесном Беркшайрском воздухе.

— В таком случае, вы лучше места не могли выбрать! Этого добра здесь сколько угодно! Но запомните то, что я вам говорил про сэра Норбертона. Это человек, который сперва ударит, а потом уже будет рассуждать. Держитесь подальше от усадьбы.

— Конечно, мистер Барнес, конечно! Мы воспользуемся вашим советом. Между прочим, я заметил у вас во дворе прелестную болонку.

— Ну, еще бы! Это самая чистокровная порода. Лучших болонок во всей Англии не найти!

— Видите ли, я потому спрашиваю, что я большой любитель собак и хотел бы задать вам вопрос: сколько может стоить такая собачка?

— Могу вам только сказать, сэр, что значительно больше, чем я мог бы заплатить за нее. Эту собачку подарил мне сам сэр Норбертон. Потому-то я и держу ее на привязи, не то она моментально удрала бы назад в усадьбу.

***

— Мы уже имеем кой-какие козыри в руках, Ватсон! — сказал Холмс, когда владелец харчевни оставил нас. — Но игра такая, что не знаешь, с какой карты ходить. Тем не менее, я надеюсь, что денюга через два мы кое-к чему придем. А раз сэр Норбертон все еще в Лондоне, то мы могли бы воспользоваться случаем и войти ночью в священную обитель сего достойного джентльмена, не опасаясь нападения с его стороны. Я хотел бы кое-что выяснить, раньше чем выводить окончательное заключение.

— А вы уже нарисовали себе какую-нибудь картину, Холмс? — спросил я.

— Я знаю только одно, Ватсон: приблизительно с неделю тому назад в Шоскоме случилось нечто такое,

что сильно отразилось на жизни всей усадьбы. Остается только выяснить, что именно случилось. Давайте разберемся последовательно. Брат перестает навещать свою любимую больную сестру. Он дарит кому-то ее любимую болонку. Ее болонку, Ватсон. Это ничего еще не говорит вам?

— Ничего, разве только то, что брат хотел как-нибудь конкретно выразить свою злобу.

— Допустим, что так, хотя возможен и другой вывод. Итак, в результате крупной размолвки, старая лэди не покидает своей комнаты, совершенно меняет свои привычки и ее никто больше не видит, разве только, когда она ездит кататься со своей горничной. Но она уже не останавливается у конюшен, чтобы поласкать свою любимую лошадь и, повидимому, начинает прибегать к крепким напиткам. И этим вся тайна исчерпывается.

Холмс зажег фонарь.

— За исключением этой загадочной истории со склепом, — напомнил я.

— Вы правы, но это относится уже к другой линии размышлений. Не смешивайте двух совершенно отдельных линий. Первая имеет дело с лэди Беатрис и от нее отдает чем-то жутким. Вторая имеет отношение к сэру Норбертону; все его помыслы сосредоточились на предстоящем дерби, которое он во что бы то ни стало должен выиграть. Он по уши в долгу и целиком в руках ростовщиков, которые могут в любой момент продать его беглые конюшни и все остальное. Но сэр Норбертон человек смелый и даже, я бы сказал, отчаянный. Все свои доходы он извлекает из усадьбы сестры и замечьте, что горничная его сестры — послушное орудие в его руках.

— Ну, а склеп? — снова напомнил я.

— Ах, да, склеп! Предположим, Ватсон, — только предположим на одну минуту, — что сэр Норбертон постарался отделаться от своей сестры.

— Но это совершенно немыслимое предложение, Холмс!

— Пожалуй, что вы правы, Ватсон. Сэр Норбертон, правда, способен на многое, но все-таки он происходит из честного рода. Тем не менее, как вам известно, можно иногда найти среди орлов также и воронов. Остановимся все-таки на моем предположении. Покончив со своей сестрой, сэр Норбертон не имеет возможности бежать из Англии, пока он не закончил свои дела, то-есть пока он не привел до конца своего плана с «Принцем», который тайком от всех, — до поры до времени, — должен участвовать в дерби. А чтобы оставаться в Шоскоме, ему необходимо как-нибудь освободиться от тела своей жертвы, а потому, опять таки нужно найти кого-нибудь, кто мог бы временно играть роль его сестры. В этом нет ничего особенно трудного, пока горничная играет роль сообщницы. Тело покойницы можно снести в склеп, куда редко кто ходит, и его можно ночью уничтожить в топке.

— Все это так, — сказал я, — если допустить только возможность вашего чудовищного предположения.

— Знаете, Ватсон, мы с вами проделаем завтра маленький опыт, чтобы пролить хоть какой-нибудь свет на это дело. А пока что, будем играть свои роли и позовем хозяина, чтобы он за стаканом собственного вина рассказал нам подробнее про местных угрей и карасей, которые, очевидно, ведут пряником к тайникам его души. Мы можем во время беседы выведать у него много интересного.

***

На следующее утро Холмс вдруг обнаружил, что не запасся крючками, и пришлось отложить рыбную ловлю на один день. Часов в одиннадцать мы отправились на прогулку, при чем владелец «Зеленого Дракона» разрешил нам взять с собою черную болонку.

— Вот мы уже подходим к усадьбе Шоском! — сказал Холмс, когда вдали показались высокие ворота, над которыми высились два огромных резных грифона. — Мистер Барнес, кажется, говорил, что ровно в двенадцать старая лэди Беатрис предпринимает прогулку в экипаже. Пока открываются ворота, лошади, естественно, должны замедлить бег. И вот, слушайте, Ватсон! Когда экипаж проедет через ворота и кучер еще не успеет припустить лошадей, вы задержите его каким-нибудь вопросом. На меня не обращайтесь внимания. Я буду находиться за этими кустами.

Нам не пришлось долго дожидаться. Приблизительно четверть часа спустя, мы увидели, как из парка выехал старинный экипаж, запряженный двумя превосходными рысаками, и направился к воротам. Холмс приник к земле позади кустов, держа болонку на привязи. Я стоял на дороге в нескольких шагах от ворот, делая вид, что любуюсь местностью.

Привратник выбежал из будки и кинулся открывать ворота. Лошади медленной рысью проехали мимо меня, и я успел хорошо разглядеть сидевших в экипаже. Слева сидела довольно молодая еще женщина, страшно наруганная, с волосами цвета спелой пшеницы и с бесстыжими глазами. Справа от нее сидело какое-то дряхлое существо, закутанное теплыми платками и с густой вуалью на лице. Когда лошади подъехали к тому месту, где я находился, я поднял руку повелительным жестом, и кучер задержал коней. Тогда я спросил его, дома-ли сэр Норбертон. В ту же минуту Холмс вышел из за кустов и спустил болонку с привязи. Издав радостный визг, собачка кинулась к экипажу и вскочила на подножку. Но в следующее мгновение ее радостный визг сменился яростным лаем, и она стала рвать черную юбку женщины, сидевшей справа.

— Поезжай живей! — услышали мы вдруг хриплый голос. Кучер хлестнул коней вожжами, а мы с Холмсом остались одни на дороге.

— Дело сделано, Ватсон! — сказал Холмс, надевая привязь на болонку, которая все еще не могла успокоиться. — Бедная собачка думала, что имеет дело со своей хозяйкой, но вдруг обнаружила, что перед нею совсем чужой человек. Вы должны знать, Ватсон, что собаки никогда не ошибаются.

— А вы обратили внимание, что этот голос принадлежал мужчине? — воскликнул я.

— Совершенно верно, Ватсон. У нас прибавился еще один козырь, но тем не менее мы должны играть здесь осторожно.

После ужина я заметил, что Холмс готовится в путь. Вскоре мы снова очутились на той же дороге, что и утром, а когда подошли к воротам усадьбы, там уже дожидался нас мистер Мейсон, главный тренировщик лошадей.

— Добрый вечер, джентльмены! — приветствовал он нас. — Я получил ваше письмо, мистер Холмс. Сэр Норбертон еще не вернулся, но я слышал, что он сегодня вечером будет обратно.

— Далеко отсюда до склепа? — спросил Холмс.

— Приблизительно с четверть мили.

— В таком случае, мы можем временно забыть про мистера Норбертона, не так ли?

— Нет, мистер Холмс, я не могу себе этого позволить. Как только хозяин вернется, он пожелает увидеть меня, чтобы узнать последние новости относительно «Принца».

— Ах, так! В таком случае, мистер Мейсон, вы только проведите нас к склепу, а потом можете идти назад.

Густой мрак уже окутал нас, когда мы миновали огромный луг и приблизились к какой-то темной массе, которая оказалась старой заброшенной часовней. Мы прошли через огромное отверстие в стене, где когда-то находилось крыльцо, и наш проводник, спотыкаясь о кирпичи и камни, провел нас в дальний угол часовни, где крутая лестница вела вниз, в склеп.

Мистер Мейсон чиркнул спичкой, и мы увидели, что находимся в совершенно темном, жутком погребу, стены которого были выложены огромными тесаными камнями, а воздух в нем отвратительный. В этом не было ничего удивительного, так как по обеим сторонам склепа стояли без числа гробы: свинцовые и каменные, чуть не до самого потолка. Холмс засветил фонарь и при тусклом желтом свете мы могли различить металлические дощечки, прибитые к каждому гробу.

— Вы говорили о каких-то костях, мистер Мейсон? — спросил Холмс.

— Вот они где! — сказал тренировщик и провел нас в дальний угол. Но вдруг он повернулся к нам и на лице его было написано несказанное изумление.

— Их уже нет, сэр! — заметил он.

— Я так и думал! — сказал Холмс и чуть слышно засмеялся. — Надо полагать, что пепел от этих костей можно и сейчас еще найти в топке усадьбы Шоском.

— Но кому же понадобилось сжигать кости, которые сотни лет пролежали в склепе? — изумился мистер Мейсон.

— Вот это мы и постараемся выяснить! — ответил ему Холмс. — Возможно, что на это уйдет много времени, и мы не станем вас задерживать. Я тем не менее надеюсь, что до рассвета нам удастся раскрыть тайну.

***

Лишь только Мейсон оставил нас, Холмс принялся тщательно изучать гробы и, приблизительно, час спустя он остановился на свинцовом гробу, стоявшем неподалеку от входа в склеп. Достаточно было мне взглянуть на его лицо, чтобы понять, что он набрел на что-то интересное.

Достав из кармана лупу, Холмс принялся изучать край тяжелой металлической крышки, а затем он вынул из кармана небольшое долото, засунул его в щель между крышкой и гробом и налег на него обеими руками изо всех сил. Раздался хрустящий, неприятный звук, крышка стала подыматься, но еще раньше, чем мы могли увидеть содержимое гроба, наша работа была неожиданно прервана.

Над нашей головой послышались чьи-то быстрые шаги. Твердые, решительные шаги человека, хорошо знакомого с местом, по которому ступали его ноги, и явившегося, очевидно, с определенной целью.

Несколько минут спустя на лестнице, которая вела вниз, показался свет от фонаря, и вскоре неподалеку от нас стоял крупный сильный мужчина, с длинными усами, а глаза его с затаенным бешенством были устремлены на нас.

— Кто вы такие, чорт вас возьми, и что вы тут делаете? — загремел он.

Холмс ничего не ответил и тогда сэр Норбертон, — ибо это был он, — сделал несколько шагов вперед и приподнял палку с тяжелым набалдашником, которая была у него в руках.

— Вы слышите, что я говорю? — снова крикнул он. — Кто вы такие? Что вы тут делаете?

Его слова, очевидно, произвели ничтожное впечатление на Холмса, он не только не испугался палки, которой тот потрясал в воздухе, но даже двинулся ему навстречу.

— Разрешите мне, сэр Норбертон, задать вам один вопрос! — суровым тоном. — Что это такое? И коим образом это оказалось здесь.

Сэтими словами Холмс быстро сорвал крышку с гроба. При свете двух фонарей, я увидел человеческое тело, обмотанное саваном с ног до головы, и только страшное лицо, на котором резко выступали острый подбородок и заостренный нос, было открыто.

Сэр Норбертон не смог сдержать возгласа удивления и, шатаясь, сделал шаг назад и оперся одной рукой о каменный гроб, находившийся поблизости.

— Как вы узнали об этом? — воскликнул он, но

почти тотчас же пришел в себя и слегка угрожающим тоном добавил: — И какое вам дело до этого?

— Меня зовут Шерлок Холмс! — ответил ему мой спутник. — Это имя, возможно, знакомо вам. Но как бы то ни было, я считаю своим долгом спросить вас, что все это означает?

Безудержное бешенство выразилось было на лице Норбертона, но спокойный голос Холмса и его уверенные манеры возымели свое действие.

— Уверяю вас, что ничего тут такого нет, мистер Холмс! — ответил он. — Я признаю, что обстоятельства говорят против меня, но я не мог поступить иначе.

— Очень рад слышать это, тем не менее, я полагаю, что полиции будет небезынтересно услышать ваше объяснение.

Сэр Норбертон только пожал плечами.

— Ну что ж, если это необходимо, ничего не поделаешь. Но пока что, прошу вас пройти со мной в дом и судите сами, правильно ли я поступил.

***

Разрешите мне, задать вам один вопрос!

Четверть часа спустя мы сидели в комнате, в которой сэр Норбертон хранил свое оружие. Оставив нас на несколько минут, он вернулся и привел с собою еще двух человек. Во-первых, ту молодую нахмуренную женщину, которую мы видели утром в экипаже, и вместе с нею какого-то мужчину невысокого роста с лицом, как у хорька, который произвел на нас весьма неприятное впечатление.

И женщина, и мужчина, оба обнаруживали непритворный страх. Видно было, что сэр Норбертон не успел еще предупредить их или объяснить им, что дело приняло плохой оборот.

— Вот это, — начал он, — мистер и миссис Норлет. Миссис Норлет, девичья фамилия которой Иванс, в течение нескольких лет состояла горничной при моей сестре. А это — ее муж. Я привел их сюда, так как полагаю, что лучше всего открыть вам всю правду, а они подтвердят вам все, что я скажу.

— Неужели это необходимо, сэр Норбертон? — воскликнула женщина. — Вы подумали, что вы делаете?

— Что касается меня, то я слагаю с себя всякую ответственность! — заявил ее достойный супруг.

Сэр Норбертон кинул ему презрительный взгляд.

— Я готов взять всю ответственность на себя — сказал он. — А теперь, мистер Холмс, не откажите выслушать следующее.

— Вы сумели довольно далеко заглянуть в мои личные дела, в противном случае, надо полагать, я не нашел бы вас сегодня в склепе. По всей вероятности, вы также знаете, что на предстоящем дерби участвует один из моих жеребцов и от него зависит вся моя жизнь. Если я выиграю, я спасен. Если я проиграю... Я даже не осмеливаюсь задуматься, что тогда со мной будет.

— Я вас понимаю, — продолжал Холмс. — Продолжайте.

— Я во всем зависел от моей сестры, лэди Беатрис. Всем известно, что она владеет усадьбой Шоском лишь пожизненно. Что же касается меня, то я целиком в руках ростовщиков. Я нисколько не сомневаюсь и никогда не сомневался, что случись моей сестре умереть, мои кредиторы нагрянут на меня, как стая коршунов. Они захватят все, что у меня есть и, конечно, первым делом беговые конюшни. И вот, мистер Холмс, ровно неделю тому назад моя сестра, действительно, умерла.

— И вы никому не говорили?

— Что же мне было делать? Поймите, что мне грозило полное разорение. А между тем, если бы только оттянуть еще недельки на две, то я мог быть спасен. Муж миссис Норлет актер, и мне пришлось в голову, что он мог бы взять на себя на некоторое время роль лэди Беатрис. Только и нужно было ежедневно выезжать в экипаже, чтобы показаться слугам, а в комнаты моей покойной сестры никто, кроме горничной, не входил. Лэди Беатрис умерла от водянки, которой она давно уже страдала.

— Это уже врачи установят! — заметил мистер Холмс.

— Врач, пользовавшийся мою сестру, мог бы вам сказать, что покойница в течение последних месяцев чувствовала себя прескверно, и надо было ожидать близкого конца.

— Что же вы сделали, сэр Норбертон?

— Раньше всего надо было подумать о теле покойницы. Нельзя же было оставлять его здесь. Вместе с Норлетом мы сперва вынесли тело в сарай, которым никто теперь не пользуется, но болонка лэди Беатрис не отставала от нас ни на шаг и все время лаяла и завывала. Тогда я подумал, что нужно убрать тело в более надежное место. Я велел отнести болонку в харчевню, а тело мы спрятали в склепе. В этом не было фактически ничего оскорбительного для памяти моей покойной сестры, и я не думаю, мистер Холмс, чтобы я совершил этим самым какое-либо преступление.

— Тем не менее, ваше поведение едва ли заслуживает похвалы, сэр Норбертон! — укоризненным тоном заметил Холмс.

— Легко вам говорить! — ответил Норбертон, скорбно качая головой. — Будь вы в моей шкуре, вы, пожалуй, сказали бы совсем иное. Вообразите себя на месте человека, который видит, что все его планы разлетаются прахом и вы поймете тогда, почему я сделал все, что было в моих силах, чтобы спасти себя. К тому же, нет ничего, повторяю, оскорбительного для памяти моей покойной сестры в том, что ее тело лежит в одном из гробов, в котором раньше покоился прах одного из предков ее мужа.

— Я с помощью Норлета открыл гроб, вынул оттуда кости и положил туда тело покойницы. Кости мы временно оставили в углу склепа, а потом я и Норлет поочередно стали ходить туда и понемногу сжигать их. Вот и вся моя повесть, мистер Холмс.

В течение некоторого времени Холмс сидел, глубоко задумавшись и не произнося ни слова.

— В вашем рассказе, сэр Норбертон, все же мне кое-что непонятно, — сказал он, наконец. — Ваша игра на бегах, на которой зиждутся все ваши надежды, едва ли могла бы пострадать от смерти вашей сестры.

— Но вы забываете, что «Принц» тоже входит в имущество лэди Беатрис! Какое дело моим кредиторам до моей игры на бегах? Мой главный кредитор — мой заклятый враг, ростовщик Брюэр, которого я однажды хорошенько отделал хлыстом. Неужели вы думаете, что он сделал бы малейшую попытку спасти мое состояние?

— Как бы то ни было, — сказал Холмс, вставая, — это дело следует довести до сведения полиции. Что касается вашего поведения, то пусть коронный судья разбирается в этом. Мой долг был — пролить свет на темное дело. А теперь уже около полуночи, Ватсон, нам пора отправляться на покой.

Известно, что этот страшный эпизод закончился для сэра Робертса благополучнее, чем он того заслуживал.

«Принц» выиграл дерби, его владелец заработал на этом деле 80 тысяч фунтов, а кредиторы отложили свои взыскания до конца бегов, когда им все было уплачено сполна.

Известно, что победителей не судят, а потому сэр Норбертон благополучно отделался и от суда.

С настоящим номером

рассылается подписчикам:

Билет на первый (апрельский) розыгрыш премий.

ГОЛОВОЛОМКИ,

которые приводили людей
в исступление 2000 лет назад.

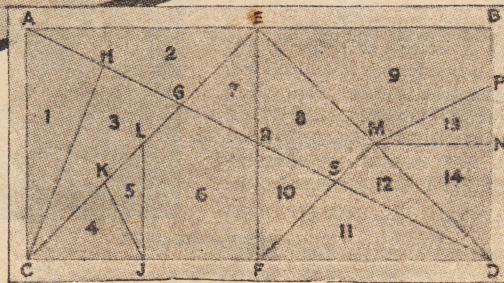
Знаменитая игра „Стомахсион“, изобретенная знаменитым греческим ученым Архимедом.

Мы решили познакомить нашего читателя с недавно извлеченными из пыли веков задачами-головоломками знаменитого греческого математика **Архимеда**, жившего в Сиракузах, на острове Сицилии, в III веке до Р. Х. Эта игра в течении многих столетий занимала древних греков и римлян, которые увлекались ею так же, как мы увлекаемся шашками и шахматами.

Руководство к игре, данное самим изобретателем, было давно затеряно и только недавно открыто на древнем пергаменте. Древне-греческое название этой игры «Стомахсион» означает буквально «Приводящее в ярость». Лица, упражняющиеся в этой игре, находят это название вполне ей соответствующим.

Игра не только забавна, но в достаточной мере и научна, чтобы заинтересовать самый живой ум. Вы можете заниматься ею, как в одиночку, так и вместе с любым количеством других лиц. Задачи эти полны всяких неожиданностей, они обостряют ум и изощряют глаз к восприятию линий и форм.

Игра состоит из четырнадцати кусков картона или дерева определенных форм, преимущественно треугольников. Эти куски, будучи сложены вместе, должны образовать правильный прямоугольник. Все четырнадцать кусков могут быть переставлены в любом порядке для изображения бесконечного числа фигур людей, животных и птиц, а также домов, кораблей и других предметов. Приведенные здесь образцы дают понятие об их использовании. Так, напр., римский военный корабль показывает, как можно употребить куски меньшей величины для образования больших треугольников или прямоугольников. Человеческим фигурам можно придать полную жизненность и движение. Вглядитесь в фигуры кузнеца и стреляющего солдата и убедитесь, как точно и плотно пригнаны эти кусочки. Полны жизненности и движения также фигуры игроков в мяч и крикет на прилагаемых рисунках. Вы можете придать вашим фигурам выражение скуки, удивления, ярости и все это посредством искусного при менения кусочка картона.

В этой выразительности рисунка и заключается вся трудность задачи, которая порой может показаться совершенно невыполнимой. При изображении животных едва ли не самое главное затруднение состоит в соблюдении пропорций. Ваша кошка может походить на осла, если вы хоть немного удлинните ее уши, а слишком выгнутая спина у лошади превратит ее в гиппопотама! Все эти неожиданности несколько обескураживают на первых порах, но тем не менее многие из лучших рисунков «Стомахсиона» достигались этим путем.

Составные части игры могут быть вырезаны из дерева, картона или же другого материала, но для начала лучше употребить хороший картон.

Прежде всего надо вырисовать и вырезать эти куски, что займет немного времени.

Руководствуйтесь прилагаемой диаграммой.

Начертите на куске картона или дерева прямоугольник правильной формы, как обозначено буквами А, В, С, D. Затем возьмем точки Е и F в середине верхней и нижней линии прямоугольника. Проведите линию между Е и F, а также диагонали AD и CE и ED, взяв точку G.

Ваш прямоугольник окажется теперь разделенным на два равных квадрата. На квадрате слева разделите линию AG, взяв точку H. Проведите линию CH. Затем разделите линию CF, взяв точку J. Разделите также линию CG, взяв точку K; далее, разделите линию KG точкой L. Проведением линий JK и JL, соединяющих эти точки, чертеж левого квадрата закончен.

На правом квадрате, пересеченном двумя диагоналями ED и AD, разделите диагональ ED, взяв точку M. Прове-

Атакующий солдат.

Страус.

Римское судно.

Кузнец.

Слон.

Ударяющий в мяч.

Приступая к изображению фигур, разложите все куски перед собой. Куски можно располагать как угодно, но только не изменять их формы и размеров. Можете повертывать их также обратной стороной.

Согласно указаниям самого Архимеда, не обязательно плотное соприкосновение кусков, хотя слишком широкие расстояния должны, конечно, приниматься во внимание для изображения естественных и правдоподобных фигур.

Одно правило следует всегда соблюдать — все четырнадцать кусков должны обязательно быть употреблены при изображении той или иной фигуры. Именно в этом условии и заключается все искусство и занимательность игры. Было бы не трудно изобразить более или менее знакомую фигуру, выбрав одни подходящие части, но главный трюк заключается в том, чтобы к стати применить и остающиеся куски. Изобретатель сам признавал, что эти-то оставшиеся кусочки могут «довести любого человека до иступления».

По мере упражнения, вы сами убедитесь, что эта игра

развивает находчивость и приучает глаз к восприятию форм и линий. До сих пор об этой игре было известно только по некоторым ссылкам на нее в древних математических книгах, а также по арабским средневековым математическим книгам. Игру часто называли «Ящиком Архимеда», так как все четырнадцать кусочков первоначально укладывались, повидимому, в плоских прямоугольных ящиках.

Теперь занумеруем каждый из четырнадцати кусочков диаграммы и тщательно вырежем их по начерченным линиям.

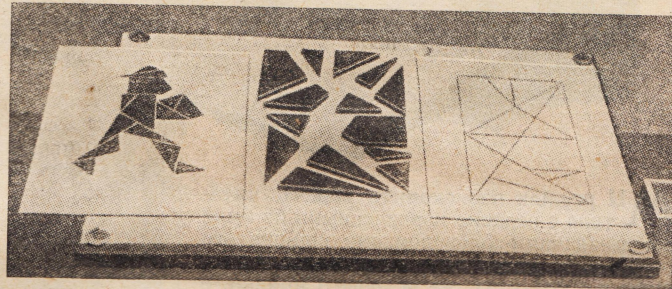
развивает находчивость и приучает глаз к восприятию форм и линий.

До сих пор об этой игре было известно только по некоторым ссылкам на нее в древних математических книгах, а также по арабским средневековым математическим книгам. Игру часто называли «Ящиком Архимеда», так как все четырнадцать кусочков первоначально укладывались, повидимому, в плоских прямоугольных ящиках.

Мы предлагаем читателям испытать свое искусство, начав с изображения фигур животных, стараясь придать им вполне естественные формы и выражение. В следующем номере журнала мы приведем лучшие образцы фигур этого типа.

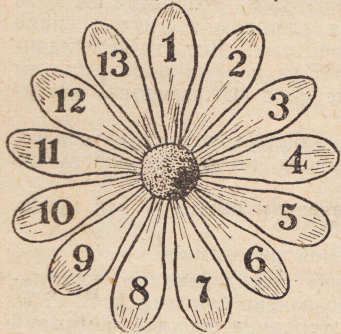
Отбивающий мяч.

Четыре новых задачи Сэма Ллойда

Предугадайте конечный итог

НАСТОЯЩАЯ задача представляет собой новый вид гадания на лепестках цветка, чтобы узнать своего суженого: двое играющих отрывают поочередно лепестки ромашки, причем каждому игроку представляется право оторвать любой из лепестков в круге или даже два лепестка, но обязательно — смежных.

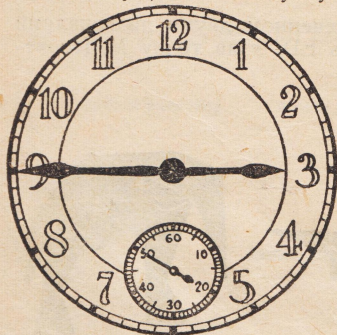
Итак, игра продолжается до тех пор, пока одному из играющих не достанется в жены «старая дева» в виде последнего лепестка.

Несомненно, что стратегический план игры зависит от удачно оторванных номеров лепестков; предположим, что ромашка состоит из тринадцати лепестков.

Если допустим, что ваш противник первый начал игру, оторвав лепесток № 1, какой был бы ваш ответный ход? Которому из играющих выгоднее начать игру? — Ответ вы найдете в следующем номере журнала.

Укажите точное время

ПРИЧИНОЙ внезапной остановки стенных часов была пуля, задевшая самый центр циферблата и сместившая как часовую, так и минутную стрелки. В момент остановки часов обе стрелки были расположены по прямой линии.

Само собой разумеется, что положение стрелок на рисунке не указывает времени остановки часов. Предполагается, что стрелки опустили после падения пули.

Эксперты затруднялись определить точное время остановки часов, так как требовалось принять во внимание и соответствующее большим стрелкам направление секундной стрелки.

Можете ли вы определить момент остановки часов при одинаковом направлении всех трех стрелок?

Ответ найдете в следующем номере.

Испытание вашей смекалки

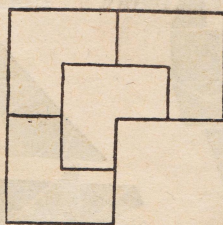
ВГЛЯДИТЕСЬ на минуту в изображенный здесь ряд кных спортсменов получивших первый приз под предводи-

тельством своего героя Снебси Кенна. Все они представлены в последовательном порядке, согласно своему возрасту, начиная с 1-го и кончая девятым. Разница в годах между каждым из них равна шести месяцам. Общий возраст первых пяти спортсменов равен $\frac{7}{8}$ общей суммы лет последних пяти мальчиков.

Шестнадцатилетний Снебси пользуется с авй первого чемпиона в городе. Постарайтесь быстро отыскать его на рисунке по приведенным здесь данным.

Испытание организаторских способностей

ИЗОБРАЖЕННАЯ здесь фигура состоит в целом из трех равных квадратов. Каждая из четырех частей данных квадратов, в свою очередь, состоит из трех одинаковых квадратов.

Чертеж показывает, как земледелец разделил поровну свой участок земли между четырьмя сыновьями. Общее число квадратных километров всего участка было равно числу линейных километров внешней границы всех перероженных участков.

Сколько квадратных километров оставил земледелец своим сыновьям?

В зловещей тишине стоял засыпанный снегом лес. Я знал, что в его глубине, то пробиваясь по пояс в снегу, то скользя на лыжах, идут загонщики, что через несколько минут они по сигналу закричат, закричат, захлопают палками по деревьям, затрещат вертушками-трещетками, и от всего этого шума на нас, на линию охотников, полетят тетерева, побегут зайцы. Я напряженно ждал и, услышав за собой между деревьями шорох, обернулся туда, прицеливаясь. Там показался бегущий на лыжах человек без шапки, без полушубка, в мокрой рубашке, от которой сильно шел пар. Красное лицо его выражало испуг, восторг, смущение.

— Лоси, лоси! — не то вздохнул, не то простонал он, пробегая мимо себя, — шестеро, у оврага!

И отчаянно махнув рукой, он скрылся за качающимися, сыплющими снег ветвями. Вон оно что! В краю заячьего загона неожиданно оказались лоси, и он, старейший обкладчик Богданов, просмотрев такую штуку, теперь спешил, если уж не спасти свою погибшую честь, то хоть слегка смягчить последствия своего позора: он надеялся, забежав сбоку, завернуть лосей на стрелковую линию. Но он опоздал. Пролетели, тревожно чиликая, стайки свистелей, стукнул сигнальный выстрел, вдруг встал и понесся над спящим лесом многоголосый крик облавы. И в тот же миг, значит, заранее почуявшие опасность показались в углу поляны лоси. Они бежали, не очень торопясь, через край огромной вырубki вне всякого охотничьего обстрела, но среди снежной белизны выделялись совершенно отчетливо: впереди огромный рогач, за ним два теленка и три больших серо-бурых... Молодые, старые, рогатые, безрогие... Да мне не все ли равно? Я из всех сил уже бежал по глубокому снегу туда, где прошли лоси. Они не обратили на меня никакого внимания, их ровный бег не ускорился ничуть, рогач продолжал спокойно нести свою великолепную голову... Зачем я, задыхаясь, в изнеможении добрался до пробитой ими тропы, что могли мне сказать их следы? Они, однако, что-то сказали эти совсем свежие отпечатки копыт на снегу... В глубоком смутном волнении смотрел я вслед могучим животным, которых видел впервые в жизни. Откуда же я их знал? Вот такие, точно такие следы, и какой-то вой, и крик, и лай собак, и кровь на снегу...

Во сне, что ли, все это было?

И эти огромные ветвистые рога, чуть покачивающиеся над серо-бурым горбатым загривком, эти телята, топчущиеся между большими за вожакom, и розовые отблески солнца, и снег, мягко сыплющийся с качающихся ветвей... О, я уже знаю, я видел, пережил когда-то все это!

Облава орет, свистит, там стрельба. Надо мной смеются, поздравляют меня с богатой добычей, я получаю почетное прозвище следопыта. Ну, ладно. Ничтожество, дрянь все эти тетерева и зайцы... Я догоню, настигну, я должен убить лося!

Затем все мое свободное время, все деньги направились, все желания устремились к одной цели, к лосиной охоте. Должно сознаться, что она оказалась чрезвычайно скучной.

Охота на лосей так дорога, что недоступна небогатому охотнику, и потому мы компанией платили за выслеживание лосей, получали — обыкновенно по телеграфу — известие, что лоси обложены, ехали иногда очень далеко и узнавали, что лоси «ушедцы», т.е. ушли. Ругань, крик, угрозы, но что же можно сделать? Лоси тут несомненно были, вот их следы, а вот тут — не угодно ли видеть — тут они вышли из круга и ушли. Они, конечно, остановятся, быть-может, даже не слишком далеко и обкладчики их снова обложат, о чем опять пошлют телеграмму, но ведь это же другое дело и, понимаете, другие деньги.

Случалось попадаться даже на такую глупейшую удочку. И опять то же: «ушедцы»... И снова платил: очень уж хотелось убить лося.

— Да плевое это дело, — смеясь сказал приятель-мужик, которому я поведал свою лосиную печаль, — коли с дураков не брать денег, так с кого же их взять? А лося, приезжай, палкой убьем.

Подозрение, что и этот опять врет и кроме того издевательски хочет взять деньги именно с дурака, мучило меня очень обидно, но что особенное я терял? Я приехал, и мы, конечно, на лыжах отправились в лес. Все пошло, как по писаному: лось тут был, вот его всякие следы, и он ушел.

— Ушедцы, — сказал я, подмигнув по возможности ядовито, — эге, брат?

— А ты думаешь, он дурак нас к себе подпускать? Он человеческий дух издали слышит. До него еще полчаса бежать надо, а он — ходу.

— Значит, опять ничего не видав, домой?

— Зачем? Нам его сейчас видеть совсем даже ни к чему... Ну, смотри, теперь держись!

И мы покатили по следу.

Часа через три, высунув язык, я попросил минутку передохнуть.

— У тебя что же, — хладнокровно осведомился приятель, чуть задержавшись, — мозгов нет вовсе? Неужели непонятно: все дело в том, чтобы без передышки.

Мы бежали еще часа два, быть может, три или четыре. Я презирал себя, ненавидел мужика, втянувшего меня в такую пытку.

Изнеможение осталось далеко, было уже бешенство, сознание мешалось. Сейчас я сяду, чорт поberi все, отдохну и уйду назад, и будь я проклят, если когда-нибудь еще... В этот миг внизу, в овражке, встряхнулся молодой ельник, выскочил, рассыпая снежную пыль, рогач и вновь скрылся за качающимися ветвями. Усталость исчезла, мне показалось даже, что я мгновенно просох.

Мы неслись через овраги, через поляны, через заросли. Иногда след лося как бы прерывался: это он махал через кусты на его пути... Затем лось стало видно все чаще и чаще, затем кусты он стал обегать, затем края снеговых дыр, продавленных его ногами, побурели, покраснели.

— Да он ноги в кровь ободрал! — орал я на бегу, — это же чорт знает какая гадость... Стой!

Приятель, досадливо отмахиваясь, бежал, а я за ним.

— Ну, вот! — сказал он наконец, задыхаясь, — ну, иди, добивай: больше не побежит.

лось благородным способом. И как только я заключил условие, что деньги уплачу не за «ушедцы», а за выстрел по лосю, на меня выставили как на вожжах рогача. Тут вместо того, чтобы, молодецки влив ему пулю в ухо, положить его наповал, я воззрился в него. А, опять эти маленькие огненные глаза, полные ужаса и ярости, эти фыркающие паром ноздри, эта странная коричневая борода... Что за дикий крик, что за лай? Тут нет никого, ни одной собаки... Лось, конечно, не стал ждать, пока я его рассмотрю, и побежал дальше. Я опомнился и, к сожалению, выстрелил далеко, в угон и, к еще большему сожалению, не промахнулся. Лось пробежал несколько сот шагов и повалился.

— Готов? — спросил я подбегая.

— Готов, все в порядке, — отвечал обкладчик, вытирая окровавленный нож.

Он понял вопрос по-своему и не желал показаться неисправным: его обязанность убитого лоса немедленно выпотрошить и — в особенности скоро — выхолостить, иначе портится вкус мяса.

Пробежал несколько сот шагов и повалился.

Среди огромных коч, кое-где высывавшихся из сугроба, в самом нелепом положении стоял лось: на коленях, полулежа головой на снегу. Он дышал шумно, тяжело, прерывисто, он дрожал всем телом, с высунутого на сторону языка его сбегала пена, глаза смотрели мутно, сонно... При виде нас он дернулся, пытаясь встать, и повалился на бок. Приятель мой добил его — не палкой, впрочем, а пулей.

Признав с отвращением, что это не охота, а гнусная бойня, я все-таки упорствовал в желании убить

Да, все было в порядке. Лось лежал на окровавленном, затоптанном снегу сам по себе, а его внутренности отдельно дымились кровавой грудой.

Я, даже не взглянув поближе на свою добычу, ушел и больше уже никогда не был на лосиной охоте.

Мне казалось, что это самое позорное, постыдное для человека положение лоса. И я ошибся: мне пришлось увидеть нечто еще более унижительное. Рогатый, старый лось, окруженный железной решеткой, стоял на потеху пьяных зевак. Он стоял слегка согнув колена,

понутив голову, совершенно неподвижно. Ему кидали хлеб, но он, не обращая внимания на валявшиеся кругом куски, не отрываясь смотрел на гаснущее зарево заката. И в кровавых искорках глаз трепетала такая тоска, светилась такая мука, что ужас сжимал душу.

Нет, смерть пустяк сравнительно с теми мучениями, которые может придумать человек!

Лосей свободных, великолепных, украшающих лес, я видал много раз, иногда очень близко. Однажды рогач и самка (чтобы не сказать — корова) переплывали реку, где я ловил рыбу. Они ничего не могли сделать, когда я подвезал к ним на лодке: им надо было бороться с быстрым течением. А я мог их убить в упор, но плыл в пяти шагах от них, только жадно смотря, как они пытели, фыркали, сверкали красными глазами и, вытянув шеи, выбивались из сил, чтобы поскорей кончить столь ненавистно осложнившуюся переправу. Они вышли на берег, встряхнулись и застучали копытами по обломкам гранита, фырая, как мне казалось, в высшей степени презрительно.

Давно я отказался от самой мысли убить лося. Но слышал ли я его глухой, яростный рев, когда в темноте осенней ночи он, ничего не боясь и страшный всем, бежит драться на смерть с соперником, видел ли я его бурый залив, мелькнувший в лесной чаще, или неожиданно находил тропу, свежепробитую в высокой траве, — каждый раз глубокое странное волнение овладевало мной. Но на место обрывков темного, неизвестно откуда взявшегося, видения, никогда впрочем не забытого совсем, в моей памяти установился яркий, живой образ. Лоси, лоси!

Вот они бегут шестеро, из оврага, мелькая по снегу в розовых отблесках зари... И откуда-то из таинственных глубин существа смутный, как сон, непонятный, как бесконечность, дается чувствам толчок: беги, следи диковинных зверей! Я для чего-то бегу, смотрю на снег, смятый их копытами, а лоси исчезают за ветвями, сыплющими снежную пыль.

Лесник.

ЕЗДОКИ НА ЧЕРЕПАХЕ

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое августа 1926 года на «Пальмовый берег», в южной Флориде, выползла гигантская черепаха. В этом месте находился большой американский курорт, славившийся своим целебным воздухом и замечательными морскими купаниями. Этот курорт притягивал к себе не только спортсменов-пловцов, но и страстных рыболовов, так как море изобиловало здесь различными породами рыб.

Выползшая сюда черепаха отличалась гигантскими размерами и вес ее доходил до 317 килограммов. Вероятно, она хотела вывести свое потомство, т. е. положить где-нибудь на берегу пляжа до двухсот яиц. В то время, как она медленно ползла по пляжу, ее заметил полисмен, который делал свой обычный обход. «Эге! Да это что-то забавное» — подумал он и стремглав побежал в один из ближайших отелей. Вместе с хозяином он быстро разбудил с десяток гостей-спортсменов, которые шумной толпой направились к пляжу, где и старались общими усилиями перевернуть черепаху на спину, чтобы она не могла ускользнуть обратно в море. На следующий день пришел грузовик, на котором и перевезли черепаху к ее новому жилью — большому, окруженному крепкой стеной бассейну.

С этой поры на «Пальмовом берегу» стал процветать новый вид спорта — езда на плавающей в бассейне трехсотлетней черепахе. Однако, кататься на ней удавалось только хорошим пловцам, умевшим нырять и не бояться опасности.

На дне бассейна лежит черепаха. Пловец прыгает с трамплина в воду, ныряет и ищет под водой своего странного

Так они плавают долгое время по голубой воде, пока ездок не отпустит черепаху, соскользнув с ее щита; освободившаяся же черепаха снова уходит на дно бассейна. Однако,

любитель проехать на черепахе может и серьезно пострадать, если благодаря своей неловкости угодит под сильный удар черепашьей лапы-плавника.

Все, кому удавалось хотя-бы раз проехать на черепахе, гордо называли себя «ковбоями моря». Однако, это почетное название приобретали далеко не все, кто пытался проехать на черепахе. Увы, очень и очень многих собиравшихся у бассейна зрителя приветствовали не криками одобрения, а ядовитыми насмешками.

Можно думать, что самой черепахе понравилось со временем это развлечение: так спокойно она плыла обыкновенно по бассейну со своим взгромоздившимся на ней ездоком. Только один раз она пришла почему-то в скверное расположение духа, рассердилась и принялась кувыряться через голову, когда появилась на поверхности со своим ездоком. Понятно, что наездник, обладавший изрядным весом и обозливший своей тяжестью черепаху, должен был расстаться тогда со своим строптивым конем.

Черепаха получила, наконец, особую кличку «Мисс Пальмового берега». Это имя было написано красной краской на ее щите, когда первого сентября эту гигантскую черепаху выпустили обратно в море, в ее родную стихию. С этих пор «Мисс Пальмового берега» никому еще не попадалась на глаза.

коня. Но вот он находит ее и, ухватившись сзади головы, где начинается щит черепахи, он вместе с ней выныривает на поверхность бассейна. Громкими криками одобрения приветствуют пловца, который сумел оседлать черепаху.

Недавно в Лондонском зоологическом саду наблюдалось весьма любопытное зрелище — яростный бой муравьев двух смежных муравейников. Этому сражению газеты посвящали целые столбцы, а заинтересованная публика толпами спешила к месту действия любопытного в зоологическом мире события. Сражение отличалось неимоверной жестокостью, которой муравьи в возбужденном состоянии превосходит любое животное. В самом способе ведения войны муравьи обнаружили присущую им замечательную смысленность.

Поводом к побоищу послужило следующее обстоятельство: один из сторожей зоологического сада положил деревянную перекладину над небольшим рвом, разделявшим две муравьиные колонии, из которых одна проживала в своем муравейнике уже три года; другая же принадлежала новоселам. Один из членов старой колонии пожелал, очевидно, заглянуть из любопытства в гнездо соседей и, переправившись через мост, проник на соседнюю территорию, откуда и не возвратился.

Старые муравьи решили, что это исчезновение их соратника есть начало военных действий. Выбрав десять лучших воинов, они отправили их в качестве разведчиков; эти смелые муравьи-лазутчики ничего не обнаружили, ибо новые пришельцы, поселившиеся в муравейнике, очевидно, не подозревали надвигавшейся катастрофы. Благодарные разведчики вернулись домой. Тут, вероятно, произошло всенное совещание, так как через несколько минут из старого гнезда выскочило внушительное количество воинов, двигавшихся в стройном порядке не хуже древних македонских фаланг.

У гнезда новой муравьиной колонии одиноко разгуливающий муравей увидел надвигавшееся войско и, не растерявшись, поспешил предупредить своих. Через несколько секунд все население новой колонии бросилось в атаку. Последовавшая затем резня была поистине жестокой и, как это ни странно звучит, бой длился четверо суток. Затем последовало перемирие, но через несколько часов сражение возобновилось с новой силой; множество убитых и раненых валялось на белом песке, или плавало беспомощно в мутной воде канавы под перекладиной. Бойцы сражались друг с другом своими сильными челюстями; более слабых сбрасывали в канаву, а некоторым отсекали разные конечности, оставляя их в полной беспомощности. Наконец, на четвертые сутки нападавшие муравьи старой колонии были отброшены за мост и совершенно уничтожены. Новые муравьи забрали часть пленных в качестве рабов, остальных убили и затем возвратились в свое гнездо. Мертвые тела были убраны с поля битвы рабочими муравьями.

Смысленность и организованность, наблюдавшаяся у муравьев во время их сражения, проявляется ими и в мирной жизни. Это маленькое существо не только воин, но и строитель-архитектор, земледелец, врач и смелый предприниматель. Мало того, муравью присуща также спортивная жилка, да и выпить он не прочь. Известный германский энтомолог Герман Эйдман (Мюнхен) утверждает даже, что у муравьев есть свой язык.

Строительное искусство муравьев единогласно удостоверяется всеми путешественниками по восточной Африке, где встречаются высокие башни из рыхлой земли, построенные белыми муравьями или термитами. Некоторые из таких башен достигают 20 фут. высоты. В горах Пенсильвании (Америка) встречаются величайшие в мире муравьиные города. В большинстве случаев они построены под землей и часто занимают пространство в 30 акров (десятин). Если подумать только об удивительной сложности подземных ходов на протяжении 30 десятин, то придется изумляться, каким образом муравьи находят обратный путь к месту своего жилья. Однако, они находят его, руководствуясь каким-то таинственным инстинктом.

Едва ли не самым убедительным доказательством смысленности муравья является способ, каким он строит при-

крытия из древесных ветвей, «сшивая» или скрепляя листья. Взрослый муравей не может плести паутину, а ее плетет только личинка для своего кокона. Поэтому, взрослые муравьи вытаскивают из гнезд свои личинки в то время, как они плетут паутину. Часть муравьев-работников стягивает края двух листьев, а другие в это время держат во рту личинку и трут ее головку о лист, отчего последняя начинает выделять нужное количество паутины или ниток. Муравьи движутся с личинкой взад и вперед по стянутым краям листьев до тех пор, пока нитка не прилипнет и не затвердеет. В итоге получаются особые швейные стежки и все «сшивание» скоро заканчивается.

Муравейник — образец взаимопомощи.

Повидимому, ни один из муравьев не руководит работой, которая производится, однако, так же согласованно, как работа любого сложного механизма. Этот инстинкт взаимопомощи наблюдался и в забавном опыте известного натуралиста Дж. Люббока. Он напоил крепким ликером несколько муравьев и положил их на тропинке, по которой суетливо бегали другие трезвые муравьи. Удивленные таким неблагоприятным зрелищем, последние быстро подхватили своих пьяных собратий и понесли их в муравейник, а тех из них, которые оказались чужими, они потопили в ближайшей луже.

Муравей оказывается также и прекрасной нянькой. Яйца относятся, например, в теплое и влажное помещение. Там они распределяются особыми няньками соответственно их размерам, а когда появляются личинки, их размещают кругом головками от центра, чтобы муравьиные няньки могли свободно двигаться по наружной стороне круга и приносить им пищу. В тропических странах есть породы муравьев, которые в теплые дни, выносят свои личинки на воздух, прогуливаясь с ними взад и вперед. Любопытно, что няньки муравьев отличаются особой чистоплотностью. У них постоянно имеется наготове губка, в виде особого мягкого растительного вещества, которым они вытирают личинкам рот и сяжки, когда на них попадает грязь.

Но если бы мы могли спросить муравья, каким из своих талантов он всего больше может гордиться, то, несомненно, он указал бы на свою силу. И, в самом деле, муравей — изумительный атлет по сравнению со своими размерами, любой силач среди людей по сравнению с ним покажется расслабленным. Французский натуралист Дюбуа наблюдал однажды, как муравей тащил кверху кусок кремня. Этот кремень был взвешен, измерена была и насыпь, на которую взбирался муравей. Оказалось, что человеку для подобной работы, соответственно его росту, пришлось бы пронести на себе по лестнице колоду весом в 30 пудов на высоту 25-этажного дома. Это и не удивительно, если мы примем во внимание другой случай. Маленький полевой муравей, во время одного лабораторного опыта, легко держал в своих челюстях тяжесть, в 3.000 раз превышавшую его собственный вес. Чтобы человек мог проявить такую же силу, ему пришлось бы стоять на краю глубокой пропасти и держать зубами восемь нагруженных железом вагонов. В Африке есть порода муравьев, называемая булдогами, которые могут делать скачки длиной в 1 фут. Если бы человек хотел соперничать с ним в этом искусстве, ему пришлось бы современный рекорд прыжка в 25 футов увеличить до 144 футов.

Я не буду говорить о сельскохозяйственных работах муравьев, равно как о хирургических операциях, которые производятся ими над больными сородичами. Отмечу лишь еще одну черту муравьиной жизни, чрезвычайно редкую у других животных — они хоронят своих мертвых на кладбище. Заметьте, что происходит форменная погребальная процессия. Члены общегития несут тело муравья в своих челюстях, сопровождаемые стройными рядами остальных муравьев, которые зарывают мертвого в специально предназначенном для этой цели месте вблизи муравейника.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ БУДУЩЕГО

Горячий разговор в вагон-ресторане с участием корреспондента «Вокруг Света».

За столом в вагон-ресторане оказалась пестрая, но оживленная компания. Ее ядро составила группа инженеров, возвращавшихся с юга, где она «принимала» какой-то вновь выстроенный завод. Был и партработник из черноземной области, и корреспондент «Вокруг Света».

Когда разгорелся разговор, так далеко унесший нас от прозаических котлет, стывших на тарелках, к нам присел корреспондент буржуазной газеты из Чикаго.

Молодой инженер, как говорится, недавно испеченный, впервые оказавшийся в столь солидной компании опытных и пожилых сереброволосых коллег, говорил особенно горячо и убежденно:

— Мы живем в годы великой закладки. Пройдет десятилетие и наша страна оставит позади Америку.

Американский журналист улыбнулся с вежливостью, через которую струилось яркое презрение.

— На каждого жителя Нью-Йорка производится $1\frac{1}{2}$ воротничка в день, — сказал он. — На каждую американку — одна пара чулок в 2 дня. На каждого третьего гражданина Соединенных Штатов приходится автомобиль. Аэроплан у нас теперь дешевле поезда. Трамвай у нас отмирает, как отсталый способ передвижения. Американки тратят на одну пудру 30 милл. долларов в год...

— Мы завоюем вашу технику! — с горячностью возразил молодой инженер.

И когда весь мир будет вооружен такой же техникой, как Америка, мы, трудящиеся всего мира, будем работать всего по 2 часа в день. И этого будет достаточно, чтобы обеспечить все потребности человечества.

— Это вычисления председателя нашего Госплана, — пояснил партработник. — Но когда все мировое хозяйство будет подчинено единому мировому Госплану, тогда этот рабочий «день» сократится, вероятно, еще на половину.

Янки развел руками и, улыбаясь, замолк. Молодой инженер, разгоряченный, с вызовом повернулся к американцу и сказал: — Возьмите свой затейливый американский карандаш и давайте путешествовать по карте страны, которая десять лет назад еще была рабовладельческой империей Романовых.

— Олл райт! — сказал американец. — Я люблю слушать сказки.

— Сказки, которые через десятилетие станут реальностью, — отпарировал молодой инженер.

***

— Наш союз, — говорил он, — объединяющий сто народов, населенный 143.850.000 человек, является мировой кладовой запасов минералов, топлива, строительных материалов и пищи. У нас есть нетронутые угольные бассейны и еще неразведанные края золотых россыпей. Сотни миллионов десятин диких пашен и неиспользованных пастбищ. Одни наши девственные лесные массивы по территории превосходят Соединенные Штаты. У нас еще огромные страны непуганных птиц и многие миллионы гектаров неосушенных болот... Наша страна победоносного социализма тянется «от холодных финских берегов до апельсиновых рощ Тихоокеанского побережья. Полтора миллиона людей, сто народов, жители одной шестой суши, при сочувствии большинства человечества, строят, подтянув животы и отказавшись частично от потребительских интересов сегодняшнего дня, невиданное здание...

— Вы говорите красиво, мой друг, — сказал пожилой инженер. — Но давайте перейдем к конкретным вещам... Задачей нашего грядущего десятилетия, пламенным патриотом которого вы выступаете, является индустриализация этой шестой суши, реконструкция ее хозяйства... Давайте чертить новую географию.

— Я готов, — сказал американец, разложив на столе пестрый лоскут нашей карты. — Начнем. Вот Сибирь — «страна, где золото топчут ногами», полторы Европы.

— Сибирь соединится железным путем с Туркестаном. От самого сердца Сибири, ее расцветающей столицы, идут стальные рельсы через сокровища Алтая, обрываясь за степной столицей, Семипалатинском... Им навстречу тянутся рельсы из горячего Ташкента, доведенные до города Фрунзе. Через пять лет они встретятся на могучей реке Или, несущей свои воды из загадочной Кашгарии. Дорога потянется Киргизско-кайсацкими горами и степями и унылые степи зацветут каменными станциями. Флегма-

тичные кочевники пересядут в новые брянские вагоны, а кочевые сельсоветы осядут на обновленной земле... Белый пенистый хлопок Туркестана понесется навстречу золотой реке сибирской пшеницы. По всей дороге, от Ташкента до Новосибирска, родятся новые текстильные центры, Китайский Туркестан прильнет, шурша шелками, к стальным рельсам Семиречья. Персидский рынок упадет в объятия молодой Туркестанской индустрии...

— Не забегайте вперед, — поморщился пожилой инженер. Постройка этой дороги — труднейшая задача, с которой на протяжении десятилетий не справились французские концессионеры... Недавно мне пришлось проехать по уже выстроенному участку дороги, от станции Арысь Оренбургско-Ташкентской дороги. Поезд уносил нас по страшным уклонам, то и дело изгибаясь змеей. На каждом шагу нас поглощали черные пасти туннелей. Поезд кружил, извивался, пытел. Кое-где мы соскакивали на ходу, пробегали несколько десятков метров и спокойно покуривали, ожидая... собственного поезда, который тем временем блуждал по своим, почти замкнутым, петлям. Вот что такое Семиреченская дорога... Придется еще пробывать гранитные громады Илийского Алатау, осторожно, крадучись, обходить снеговые пики возле Алма-Алты. А потом горы, степи, опять горы, реки, мосты. Это не шутки...

— Ну, да. Кто же говорит, что это легко? Но когда дорога уже будет убегать от величественного Памира, — этой крыши мира с инкрустациями золотых россыпей, — расцветет самая таинственная и экзотическая часть земли. Вы только подумайте: на порогах Тянь-Шаня родятся европейски-благоустроенные курорты. Серебряные, свинцовые, медные руды потянут к себе новые ветки. Изогнутое озеро Балхаш станет судоходным. От будущей станции будущей дороги поплывут будущие пароходы к будущим рудникам, которые родят пристани на северном выгнутаю краю озера. Они будут доставлять жирное сало и хрусткое зерно Сибири и возвращаться, груженные серебром, свинцом и медью. На востоке от озера Балхаш, там, на порогах Тянь-Шаня, зацветут не только курорты, но и горные заводы, и рабочие поселки... Ну, представьте себе: огромные гостиницы, автомобильные дороги, радиовещательные станции, школы, театры, городки коттеджей в соседстве с... Памиром. Зная освобождения и прогресса несется в мрачное царство Далай-Ламы... Это на востоке озера Балхаш. А на западе от него залегла огромная казакская Сахара, носящая зловещее имя Голодная Степь. Она станет, чорт возьми, сытой степью.

— Но это другая область, подождите! — запротестовал американец. Но молодого инженера не так-то легко остановить. Его глаза блестели вызовом. Он говорил:

— Много лет бились в поисках способов оживления этой мертвой пустыни. Только в этом году поступил разработанный проект, который озаглавлен очень просто: «Орошение Голодной Степи водой Сыр-Дарьи». А вы знаете, чем это пахнет?

— Многими десятками миллионов рублей! — състрил пожилой инженер.

— Да, но это вместе с тем значит — 800.000 гектаров новой хлопковой земли. Здесь будет построено пять новых городов и несколько сотен крупных кишлаков. Пустычки? 60.000 новых крестьянских хозяйств... Осуществление этого проекта потребует новой стоверстной железной дороги от станции Сыр-Дарьинской до города Джизака.

— Ну, хорошо, но вернемся...

— Нет, поймите, что когда это свершится, СССР будет обеспечен собственным волокном полностью. Откроются возможности вызова волокна на иностранные рынки, что принесет Узбекистану и Казахстану тугие пачки валюты, которые пойдут на дальнейший расцвет бывших пустынь...

— Однако, милый друг, вернемся, на вашем будущем пароходе по о. Балхаш, сядем в экспресс будущей Семиреченской дороги и поедем в Сибирь.

— Хорошо! Приехали. Прямо в Ново-Сибирск... Вот это городок! В 1921 году здесь было около 40.000 населения. В 1927 году здесь уже 120.000. Тридцать лет назад здесь шумела непроходимая тайга. А вот по улицам этого «Сиб-чикаго» мчатся изящные автобусы. Уже поговаривают о трамвае. Строят огромные гостиницы, учреждения, электростанции, клубы. А будущее этой столицы — американский расцвет, ибо Сибирь — будущая Америка. С одной стороны, на восток, мчится рельсовый путь до Владиво-

стока, ответвляя за Читой дорогу, прорезающую весь Китай. На Запад дорога бежит через богатый промышленный Урал до Москвы и Ленинграда, ответвляясь во все стороны. Следующая ступень — дорога в сердце Средней Азии, в хлопковый Туркестан, через богатый Алтай. Многоводная Обь соединяет его с Карским морем, где ежегодно происходят эти «ярмарки полярных вод». Под боком тянется по унылой земле Кузнецкий угольный бассейн, настоящая база для промышленности. Здесь-то в ближайшее же пятилетие родится сказочная металлургия, в районе доселе безвестного Тельбесса. Черная металлургия. Металлообработывающая промышленность. Хлопок Туркестана родит здесь мощную текстильную промышленность. Она будет снабжать необъятный сибирский рынок, золотоносный Дальний Восток и тяготеющую к расцветающей Сибири Монголию своими тканями...

бойни с конвейерами, как у вас в Чикого. Из Омска ежегодно отправляются караваны судов по Оби в Карское море, возвращаясь с товарами туманного Лондона. Сибирь будет отдавать свои пушистые соболя для зябких красавиц Европы и будет получать машины для заводов и тракторы для своей обновляющейся земли... Развитие пушного промысла... Это значит — новые города на крайнем севере, в глухой тайге, населенной миллионами этих пушистых долларов...

— Недавно сибирские органы решили форсировать в ближайшие годы золотопромышленность...

— Ого! — снова воодушевился наш неугомонный оратор. — Это значит воздушный путь к новому городу на сказочном Алдане... Сколько их в Сибири, этих рек золотых сказок! Лена, Амур, Алдан, Зея, Шилка... А сколько еще неизведанных!

— Мистер, — перебил себя внезапно «оратор», — сколько галстуков в сутки приходится на каждого американца?

— Один галстук на одного американца в 64 часа.

— Хорошо! Когда «все это» произойдет, сибирский чалдон тоже нацепит галстук на свою крепкую шею. Маленькая пауза.

— Будущее Сибири, говорят, в экспорте животных продуктов. В Омске строят огромные скотобойни и консервные заводы. Все это — последний крик техники. Ското-

— Да, многообразна Сибирь, и поистине ее перспектив не охватить умственным взором. Вот, хотя бы «заваленная» такая Хакасия, приютившая вымиравший народ охотников и скотоводов на юге от Красноярска. Недавно эта страна получила железную дорогу — Ачинско-Минусинскую. Это открывает новые неисчерпаемые возможности. Черногорский каменноугольный бассейн — шуточка в 120 верст длиной и 30 шириной. Железо. Неиспользованные золотоносные площади. Серебро-свинцовые руды... Счастливо заживет здесь возрождающийся народ, которому

не так давно выдумали письменность... Деревушка Усть-Абаканск будет столицей этого народца пастухов и скотоводов, который станет обладателем солидной индустрии.

— А сколько таких Хакассий в Сибири? На каждом шагу. Вот вам девственный Урянхайский край! Вот вам автономная Ойротия, край неописуемых красот!..

— И только старый дряхлеющий, но культурный Томск, который в свое время обошли магистралью, с завистью увядающего старика смотрит на этого выскочку Новосибирск, расцветающего не по дням, а по часам. Он горд, этот Новосибирск. И новосибирцы небрежно говорят:

— Нам надо срочно подумать о новой сибирской южной магистрали, которая шла бы параллельно великому сибирскому пути...

— Прошу пощады! — сказал американец. — Верю в гениальное будущее Сибири. Давайте перенесемся еще куда-нибудь... Сядем в поезд и поедем в Европу.

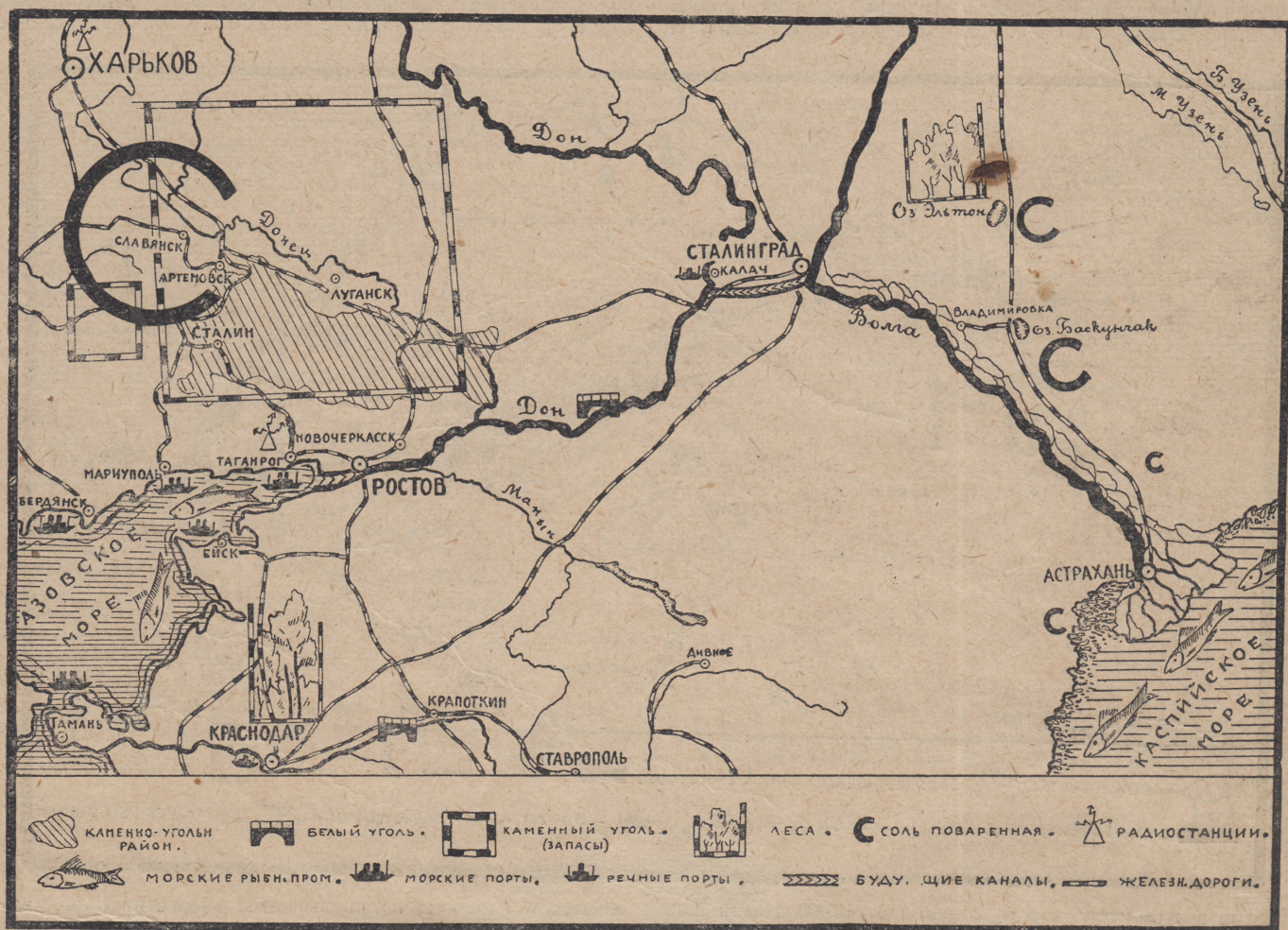
— Милости просим. Мы едем через будущую мировую молочную, через обширнейший маслодельческий район

ходик под итальянским флагом. Куда? Апельсины в Ленинград к праздникам. А обратно — какой-нибудь солидный транспорт из Ленинграда с партией мебели карельской березы для Константинополя. Пусть сидят любезные турки на наших стульях. Не жалко: сила Кондодострой-то почти даровая...

Возьмем кусочек задачи: от Ростова до Мариуполя проруют морской канал. Это значит, иностранные пароходы получат возможность заходить в Ростов, вместо Таганрога. Каждый пуд груза будет дешевле на 5 копеек. Это раз. Количество грузов, пропускаемых ростовским портом, ныне не превышает 6—7.000.000 пудов в год. При наличии канала он будет пропускать 250—300 миллионов пудов. В первый же год существования канала только с Волги поплывут 300 миллионов пудов...

— Не даром же, чорт возьми, в ростовских газетах уже спорят: строить небоскребы или что-нибудь посромнее...

— Через пять лет поеду из Ленинграда пароходом в Ростов, если читатели «Вокруг Света» еще будут интересоваться небоскребами, как диковинкой — говорю я.

к Уралу, который залег дорожным столбом между Европой и Азией... Сделаем остановку?

— Как-нибудь в другой раз...

— Хорошо. Только имейте ввиду, что здесь, на Урале, мы свяжем крепким узлом сибирского кокса и уральской металлургии Европу с Азией. Ясно?

— Как апельсин.

— Итак, мы сворачиваем на Казань. Только запомните: Казань вам не какие-нибудь сафьяновые сапожки, а... мировой порт.

— Выпейте воды. Континентальнейшая Казань — мировой порт?!

— Да. О Волго-Донском канале забыли? О, эта задача, не менее оглушительна, чем Семиречинская! Волге надоело тысячелетия однообразно впадать в Каспийское море. Она хочет ответить канал на тихий Дон, соединив весь мир новыми водными путями... Знаете, нашему учебному судну «Товарищ», при наличии этого канала, не пришлось бы плавать вокруг Европы. Он поплывет бы прямо из Ленинграда через Ростов-на-Дону в Азовское море, а оттуда — в Черное, Средиземное. Очень просто... Да, на пристани в Саратове вы встретите этакий симпатичный белый паро-

— Не шутите: в Харькове уже строится огромный четырнадцатиэтажный небоскреб для учреждений Украины

— Шутки шутками, а не забудьте, кроме Волго-Донского канала еще будут строить Лаче-Кубенский в Вологодской губернии, который соединит Белое море с Балтийским, Каспийским, следовательно, Азовским, по Волго-Донской системе. Здорово.

— А какое будущее ожидает наше судостроение, в связи с этими новыми игрушками! Потребуются тысячи новых судов всех видов и размеров!

— Да, ленинградским судостроителям есть над чем подумать!

— А как расцветет хлебная Кубань! — не унимается молодой инженер.

— Как здорово будет выглядеть Сталинград со своим новым колоссальным тракторным заводом и большим портом... Да что там десятки округов расцветут, села превратятся в города, вырастет гигантски торговля.

— Ну, хватит Волги! — вздохнул американец. Давайте новую пластинку.

— Об электрификации забыли? — спросил иронически пожилой инженер.

— А ведь это основательнее всего прочего. Недаром Ленин говорил:

«Советская власть плюс электрификация и есть социализм».

Мы уже имеем целую серию новых мощных электростанций: Волховстрой, Каширу, Шатурку, Штеровку, «Электропередачу», Земоавчалскую, Кизеловскую и Балахну... Хотите, расскажу вам о последней. Я недавно был на родине своей, в Нижегородской губернии, и могу вам многое рассказать...

— Имеете ли вы представление о том, что произошло в последние годы в Нижегородской губернии? Эта губерния не имеет ничего экзотического ни в своем названии, ни в своем географическом положении. Этот волжский город ярмарочного купечества, олицетворение отсталости отечественного капитализма в прошлом, эта нижегородская сторона идет теперь одной из первых в деле индустриализации. А почему? Благодаря тому, что пять лет назад, в годину голода и разрухи, кому-то пришла фантазия выстроить у Балахны, на огромном Черно-Раменском торфяном болоте, растянувшемся на 8.000 десятин, новую районную электростанцию. Она дает уже 20.000 киловатт

мышленности, о расцвете Павловской металлургии, о расцвете семеновской кустарной промышленности.

— А стекольный-то заводик на левом берегу Волги? Строится! Будет давать 53.000.000 бутылок в год и 13.000.000 квадратных метров оконного стекла.

— Вот здорово! Но и спрос какой! Вы думаете трем миллионам новых переселенцев в Сибирь окна не нужны, что-ли?

— Да оставьте уже Сибирь! — вмешался американец, которому этот скромный край почему-то особенно портил нервы.

— Ну, а в итоге, — закончил рассказчик, — расцветающая губерния взялась, так сказать, за дела второй очереди. Будет сооружаться большой мост через Оку, будет строиться речной порт в Нижнем, будет перестраиваться и обваловываться территория ярмарки.

И так без конца.

Инженер сделал вывод:

— Это все вызвала одна из «небольших» станций, сооруженных во исполнение плана электрификации. А вы уясните себе, что «Днепрострой», большой Днепрострой, будет в десять раз мощнее Балахны... Это под сердце

энергии в этом году, а в будущем даст 40.000. Новая промышленность потянулась к этому оплодотворяющему источнику живой силы.

В трех верстах от Балахны уже сооружается огромная бумажная фабрика, которая будет давать 50.000 тонн газетной бумаги ежегодно. С южной стороны Балахны на живописном берегу Волги строится огромная картонная фабрика — на 800.000 пудов картона в год. Притоки Волги будут доставлять сюда древесину непрерывной лентой. Благодаря этому, — да и той же дешевой энергии, — здесь строится целая группа писчебумажных фабрик. Через несколько лет здесь будет центр русской бумажной промышленности...

— Ух! — не выдержал молодой инженер, — значит, какая-нибудь вековая сосна на берегу Волги и не подозревает, что на ней, горемычной, будет напечатан роман, который через десяток лет будет читать шустрая москвичка, сидя в вагоне подземки.

— По всему Черно-Раменскому болоту, — продолжает пожилой инженер, — тянется густая сеть проводов Балахинской станции. Подъездные пути, торфяные краны и дрезинки придали всему, недавно мертвому болоту строгие и мощные индустриальные тона...

И долго еще рассказывал он о расцвете тихого этого края. Он говорил нам о рождении мощной химической про-

советской Украины подкладывается энергетическая бомба в 300.000 сил! — ввернул молодой инженер. — Через немного лет она взорвется фейерверком буйного расцвета. Подумать только, что это Днепр, который до сих пор был только... «чуден при тихой погоде».

Тут я, недавно путешествовавший по Закавказью, видевший собственными глазами его огромный подъем, решил вернуть свое слово.

— На-днях, на веселую столицу Закавказья обрушится первый ток Земо-Авчалской гидроэлектрической станции. Первый ток в 18.000 сил...

— Эге, это там, где у Лермонтова:

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Курой.

— На том самом месте, я мчался на легком фордике по живописной военно-грузинской дороге к древнему Мцхету, в котором хранится разнообразнейший ассортимент всеческих реликвий, начиная от «хитона Иисуса Христа», кончая добрыми двумя дюжинами гробов с останками грузинских царей. У самого подножья монастыря, в котором некогда звучала вдохновенная исповедь лермонтовского Мцыри, на слиянии Арагвы с Курой, сооружена грандиознейшая уста-

новка... Это сооружение вдохнет жизнь в маленькую, но богатую солнечную Грузию...

В Закавказье восемь республик и автономных областей, но все они, вместе взятые, составляют... одну двадцатую Якутии. Но их удельный вес в экономике союза огромен.

— Нефть! — меланхолично проворчал американец.

— С, иес, мистер, советская нефть.

Я уже имел случай рассказать читателям «Вокруг Света» о буйном расцвете города нефти — Баку, сосущем кровь Апшеронского полуострова. Но Баку не сам по себе. Он тянется железным рукавом за 600 километров к тропическому Батуму. Когда этот железный рукав — новый нефтепровод — будет готов, столица аджарского народа заживет новой жизнью. В этом уголке тропического солнца, золотых мандарин, чайных плантаций и первых попыток насадить каучук, взгромоздятся огромные нефтеперегонные заводы, с крупнейшими в СССР масляными батареями. Прибывающая по трубе бакинская нефть будет здесь, на заводах, перегоняться и литься непрерывной лентой в железные глотки иностранных нефтеналивников, увозя на завоевания мировых рынков советскую нефть и возвращаясь ценнейшими машинами или тракторами для... Мугани.

Мугань — своя, закавказская, Голодная степь, но уже орошаемая. Тысячи тракторов уже бороздят это голое брюхо Азербайджана, возвещая о рождении нового огромного хлопкового района. И уже родился новый текстильный центр в древней столице Азербайджана, вернувшей свое старое смачное имя Гянджа. Здесь уже дымятся три новых фабрики, вырабатывающие сукно, ситец и хлопковое масло...

Нефть, марганец, хлопок, шелк, вино, курорты, порты, разнообразнейшие минералы — вот главные игрушки Закавказья, пущенные в ход.

— Такая же вещь происходит и на Северном Кавказе. Нефтепровод из Грозного в Туапсе, — начал было кто-то. Но его перебил сердито парторганизатор из Черноземного края:

— Что вы все по окраинам шатаетесь?! Я уж не говорю о том, что вы нас, лапотных, забыли. Вспомните Донбасс, главное угольное брюхо страны. В нем рождается новое миллиардурное чудовище, рождается новый Донбасс. Занесите-ка на свою карту новую Константиновку, этот европейский стекольный центр, существующий без году неделя.

Новые шахты Донбасса, его новые заводы и электростанции, его новые рабочие поселки, гигантские больницы и дома культуры... Да и у нас в Курской, Воронежской,

Тамбовской... Нам нужны тракторы, нужна мелиорация. Мы хотим маслосеки, мельницы.

— Ну, это чепуха! — задорно отмахнулся молодой инженер. — Куда вашему соловьиному Курску с суконным рылом в калашный ряд.

— Что? — загорячился в свою очередь спокойный парторганизатор. — Вы с курскими-то соловьями потише! Про магнитную аномалию забыли? Эти 200 миллиардов пудов железа вам такую соловьиную трель закатят, что ваша Сибирь присядет.

— Ну, знаете, если говорить о курском железе, как о близком будущем, тогда я вам Тунгусский угольный бассейн сибирский подуну. Неизведанный этот бассейнчик вместит добрую парочку Франции с патронами... Вы бы еще Воронеж свой прославили...

— А что наш Воронеж? Я уж не говорю, что мы можем похвастать новеньким советским трамваем. Забыли, что Воронежская губерния может стать, помимо прочего, мировым магазином яичного порошка?.. А какую строительную промышленность у нас ахнуть можно!..

Так спорили до утра... Козыряли десятками новых ВУЗ'ов, родившихся в новых центрах освобожденных национальностей, о новых алфавитах для полузадушенных царизмом народов. Говорили о новом поколении энергичных людей-строителей. Говорили о неграмотности нашей, об отсталости, некультурности. О растаптывании и неумении сосредоточенно работать — вещах, унаследованных от умершей эпохи рабства. Но эти штучки больше мешают рождению нового мира, чем недостаток средств...

— Господин американец, — сказал в заключение молодой наш энтузиаст, — спешите смотреть страну пустынь и нищих, топчущих золото ногами. Через десятилетие вы не увидите ни того, ни другого!..

...Я вышел на площадку. Душистая южная ночь обняла меня своими влажными от предутренней росы руками. И я подумал тогда о нашем прекрасном Ленинграде. Старые дворцы Растрелли еще заслоняют тут провода Волховстроя. Но Волховстрой — начало. Невастрой, Свирьстрой — выстукивали колеса... Невастрой! Свирьстрой!.. На очереди расцвет города Ленина. Слишком далеко вперед, в даль, в Европу, забежал старый Петербург, рожденный на костях народов. Он оставил позади великий груз почти средневековой России. Союз ста народов обгоняет сановный Петербург... В новом Ленинграде, культурнейшем городе Союза, родится новый стиль, который придет на смену казарменному ампиру Романовых, который еще давит город, охвативший гранитным поясом Неву.

МАК.

СОВРЕМЕННЫЕ МИЛЛИАРДЕРЫ

По самым последним сведениям (февраль 1927 год) Генри Форд «стоит» 2 миллиарда долларов. Он обогнал таким образом восьмидесятилетнего «патриарха» американских миллионеров — Джона Рокфеллера и выдвинулся на первое место. Никогда еще не скопилось такого огромного количества богатств в руках одного человека.

Так как состояние Пирпонта Моргана распределено среди нескольких наследников, то на третьем месте в ряду американских миллиардеров следует поставить нынешнего статс-секретаря казначейства — Меллона. Состояние последнего оценивается различно — в пределах от 250 милл. до 1 миллиарда. На смену миллиардерам-промышленникам (Форд — автомобиль, Рокфеллер — нефть, Карнеги — сталь) приходит таким образом «финансовый туз», король биржевой спекуляции.

Остальные американские знаменитости: Фильдз, Асторы, Гульды, Вандербильты, значительно отстали от вышеуказанных сверх-капиталистов. Состояния этих «звезд» капитализма редко когда превышает 300 милл. долларов.

Прочие страны не в состоянии угнаться за ростом богатств в С. Ш. Британская империя до сих пор не в состоянии похвастаться хотя бы одним завалающим миллиардером или кандидатом в таковые. Англичанам приходится утешать себя мыслью, что зато первый человек, наживший миллиард — Андрью Карнеги — был родом из Шотландии. Гуго Стиннес после своей смерти оставил состояние, оцениваемое в 75 милл. долларов, южно-американский богач Педро Альвардо располагает в настоящее время 70 милл. долларов и кроме того золотыми приисками.

Очерк спец. корреспондента «Вокруг Света».

Как приятно, придя из кинематографа домой, обменяться впечатлениями о только что виденном фильме из жизни индейцев и мысленно перенестись в совершенно чуждую и таинственную для нас, европейцев, жизнь девственного леса.

Но действительность, к сожалению, совершенно иная и благодарите судьбу, дорогие читатели, что вам придется знакомиться с индейцами и их обычаями издали, либо по романам Фенимора Купера, либо по кинематографу, а не на-яву.

Мне удалось познакомиться с их жизнью на месте в Бразилии. Правда, это было любопытно, чтобы не сказать больше. Но если мне предложат поехать туда во второй раз, верьте мне — я откажусь.

Я прожил среди индейцев около 3 месяцев и убедился, что все написанное романистами — не только не фантазия, а наоборот, преуменьшение истины.

У меня осталось много воспоминаний. Так много, что они превратились в длинную вереницу впечатлений, из которой я выхватываю первое под руку попавшееся, чтобы оно заговорило на бумаге.

***

Вспоминаю... Rio dos Mortes — Река Мертвецов.

Услышавши впервые это название, я обратился к сведущим людям за объяснением. Оно чрезвычайно просто, даже слишком просто. Река названа так потому, что белый человек или те белые люди, которые пытались перейти эту реку, исчезали за ней навеки и никто о них больше ничего не слышал. Недавно, два года тому назад, была отправлена туда экспедиция в 500 человек. Вернулись обратно только 29, при чем они ничего не видели и ничего не говорили.

У них были выколоты глаза и отрезаны языки.

И все это было сделано индейцами в XX веке, в Бразилии, где существуют блестящие большие города, созданные по последнему слову техники, где есть армия и где белый человек, гордо опираясь на землю, называет ее своей.

***

Когда я узнал об этом, я расхохотался и сказал: «Сказка для маленьких детей!». И убеждал всех, кому была охота слушать меня, что я один перейду эту знаменитую реку и возвращусь живым и здоровым, не увидев ни одного индейца. Слушатели только молча покачивали головой.

Недели две длились такие разговоры и, несмотря на свою твердую уверенность, я так и не собрался перейти «Rio dos Mortes», как вдруг я узнал, что готовится новая военная экспедиция в составе 600 чел. против индейцев; к этой экспедиции должен был примкнуть ряд бразильцев-географов для получения более точной географической карты Бразилии, которой, кстати сказать, до сих пор не существует, если не считать тех карт, на которых

большая часть бразильских рек и гор нанесены в виде кривого пунктира.

В качестве корреспондента крупной бразильской газеты, мне было легко принять в ней участие, и в июле 1925 г. военная экспедиция, под предводительством бразильского майора Энрико Бастоса, двинулась в путь, а с нею вместе и я.

***

Я не буду описывать путешествие до Реки Мертвецов, потому, что оно совершалось в условиях полного комфорта, и только замечу, что по пути все люди, встречавшие на мелких станциях наш воинский поезд, грустно покачивали головами и одаривали нас всякими образками с изображением богоматери (бразильцы крайне суеверны и религиозны) и желали нам скорого и благополучного возвращения.

«Rio dos Mortes» — произвела на меня самое жалкое впечатление. Маленькая речушка, шириной в комнату, с берегами, сплошь заросшими непроходимым тропическим кустарником и небольшими деревьями, на которых прыгали пестрые обезьянки и оглушали нас своим криком.

Перейти реку вброд не представило для нас ни малейшего затруднения и, замочив наши ноги по щиколотку, мы очутились на другой стороне.

Я себя чувствовал героем и, сознаюсь, нетерпеливо искал глазами какого-нибудь индейца, чтобы снять с него скальп, как вдруг мои победоносные мысли были прерваны поднявшейся суматохой и видом озабоченного лица проходившего мимо меня майора Бастоса, быстро направлявшегося к какому-то дереву, росшему на краю небольшой лужайки, тянувшейся на несколько шагов перед нами.

Я последовал за ним и увидел прикрепленные к дереву две стрелы, остриями направленные в нашу сторону. Стрелы были сняты с дерева и начали переходить из рук в руки. Каждая из них была палочкой в два фута длины и толщиной в человеческий мизинец, с не особенно острым железным наконечником. Стрелы ничем замечательным не отличались, и я никак не мог понять выражения сильной озабоченности на лицах у всех окружающих.

В ответ на мои нетерпеливые расспросы, майор Бастос, ни слова не говоря, взял одну из стрел и велел одному из солдат принести ему из обоза, следовавшего позади нас на мулах, курицу. Когда отчаянно кудахтавшая курица была принесена, он раздвинул на ее спине перья и царапнул ее наконечником стрелы, затем опустил курицу на землю и сказал:

— Посмотрите.

Курица сделала несколько шагов, поклевала траву, ища в ней зерен, покачнувшись, захлопала крыльями и свалилась на бок. Несколько судорожных движений вытянутыми лапками — и все было кончено.

Победоносная улыбка сошла с моего лица. Я понял, что произошло нечто серьезное, вопросительно оглянул своих спутников и угрюмо стоявшего поодаль майора,

который после минутного раздумья собрал жестом всех нас и обратился к нам с речью, которую привожу дословно, несмотря на то, что с тех пор прошло более полутора лет:

— Наличие отравленных стрел, повернутых остриями в нашу сторону, означает воспрещение входа в лес и безжалостное истребление всех, решившихся преступить этот запрет.

Тот, кто боится идти дальше, может возвратиться домой. Пусть выступит на два шага.

Никто не шелохнулся. Лицо Бастоса осветилось улыбкой и он промолвил:

— Я знал к кому обращался!

***

После небольшого привала мы все выстроились в длинную колонну и двинулись в путь.

Лес напоминал собой обыкновенный бразильский лес, через который нам приходилось идти, прорубая ножами

проход через сплошную стену лиан. Особенно туго приходилось нашему обозу. Но мулов нельзя было бросить, иначе нам всем пришлось бы остаться без продовольствия, несмотря на громадное количество зверья которым такой лес кишмя кишит.

Самое страшное было не в этом, и не потому все больше и больше омрачалось лицо Бастоса, постоянно совещавшегося с главным проводником экспедиции, Карлосом, седым мулатом, специальностью которого, если так можно выразиться, являлись индейские экспедиции.

По каким-то совершенно необъяснимым для меня признакам Карлос замечал за нами постоянное бдительное наблюдение невидимых глаз. В чуть-чуть смятом кустарнике и в обломанных ветвях Карлос находил свежие доказательства недавнего пребывания индейцев, следовавших, по его мнению, за нами шаг за шагом и частично нас опередивших.

У всех нас нервы были натянуты до невозможности и в таком состоянии мы находились уже больше пятнадцати дней, за которые мы успели пройти не больше 200 километров

***

Мы устали, измучились, из наших ног, еле прикрытых лохмотьями сапог, разорванных в клочья колючим и острым как бритва кустарником, сочилась кровь. Люди еле двигались и у нескольких солдат появились первые грозные признаки желтой лихорадки, которой подвергаются

даже уроженцы Бразилии, вопреки установившемуся мнению медицинских светил всего мира, что только европейцы заболевают ею. У многих из нас от непрерывных и тяжких мучений мелькала неотвязчивая мысль о возвращении. Но делать было нечего. «Назвался груздем — полезай в кузов».

***

Майор Бастос, видя страдания солдат, решил дать им возможность отдохнуть несколько дней и, выбрав небольшую лужайку, открытую со всех сторон, чтобы избежать внезапного нападения, — дал знак сделать привал.

Люди и мулы с облегчением вздохнули. Лужайка заперестрела палатками. Появились развесные гамаки и были расставлены часовые.

Наконец — отдых.

Среди солдат нашелся повар. При общем содействии были зажжены костры, на которых он начал готовить наш незатейливый завтрак, состоявший из вечного сушеного мяса, риса и фасоли. Маньковская мука заменяла хлеб, правда, довольно неудачно.

Власть попирав, мы завернулись в одеяла и потягивались, давая отдых нашим усталым и изнуренным телам.

***

Наступила ночь. Бразильская, темная, безлунная ночь, во время которой на расстоянии одного шага нельзя заметить человека. Костры слабо освещали лужайку, бросая красноватые блики на двадцать часовых, расставленных вокруг лужайки, вооруженных до зубов, на случай неожиданного нападения индейцев.

Мулат Карлос лег позже всех, обойдя предвзительно всех часовых, которым даны были последние распоряжения.

Лагерь спал.

Ночь была тяжелая. Несмотря на усталость, сон не приходил ко мне. Я инстинктивно понимал, что попал в скверную историю. Наконец, я закрыл глаза и, утомленный, забылся тяжелым сном.

***

— Бандиты, убийцы, индейские собаки! — донеслись до моего слуха и разбудили меня отчаянные крики метавшегося по лагерю Карлоса. Сознание вернулось ко мне и, вскочив на ноги, я быстро побежал к нему.

— Смотрите! — крикнул он мне и подоспевшему Бастосу, указывая широким жестом на лужайку. Мы взглянули и увидели.

Ни одного часового не было на своем посту и только видна была какая-то груда сваленных в кучу тел. Мы подошли ближе и поняли в чем дело.

Часовые были зверски убиты и обезглавлены во время нашего безмятежного сна. Головы их исчезли.

Бастос и я стояли, окаменев от ужаса.

Взгляните вверх! — крикнул отчаянным голосом Карлос. Мы машинально исполнили приказание и подняли головы.

С каждого дерева, расположенного вокруг лужайки, смотрела на нас мертвыми и страшными глазами голова, изо рта которой торчал конец стрелы, острием направленной на наш лагерь.

Головы принадлежали нашим убитым часовым.

Голос Карлоса прорезал наступившую тишину: — Вот так погибнем мы все. Будь проклята эта экспедиция.

— Мы отомстим за убитых! — раздался в ответ спокойный, но странно изменившийся голос Бастоса. — А сейчас в путь.

Через полчаса люди были готовы и, зарыв убитых в глубокую общую могилу, чтобы хищные звери не могли оторвать трупы, мы двинулись в путь.

***

Лес редел. Дорога улучшалась и боль в ногах от ходьбы начинала исчезать. Настроение участников экспедиции улучшалось, несмотря на кровавую бойню, происшедшую ночью.

Все казалось далеким сном.

К вечеру лес кончился и появилась степь, на которой время от времени были видны тут и там стоявшие одинокие деревья.

— Жилище! — сказал Карлос и указал пальцем на юг. Действительно, на расстоянии приблизительно 3 километров от нас показалась небольшая деревня.

Правильно построившись и держа ружья наготове, мы ускорили шаги. Через полчаса мы входили в эту деревню.

Казалось, она вымерла. Ни животных, ни людей. Небольшие домики, сделанные из глины, покрытые тростниковыми крышами, имели жалкий, нищенский вид.

Мы остановились перед зданием больших размеров, и Карлос, подойдя к нему, промолвил: «Индейский храм».

Ударом приклада майор Бастос открыл еле держащуюся дверь и нашим глазам представилась следующая картина.

Довольно большая зала, плохо освещалась слабым дневным светом, проникавшим через немногочисленные отверстия в крыше, а в центре залы на пьедестале возвышалась уродливая статуя. С боков, окружая главное изображение, помещались маленькие, такие же уродливые статуэтки, обращенные лицом к входу.

У всех изображений и статуэток было такое злое выражение лиц, что нам сделалось не по себе.

Мы постояли несколько минут, обошли храм и, не найдя никаких других достопримечательностей, собирались уже уходить, как вдруг наше внимание было привлечено слабым шорохом.

Бастос, развернувшись как пружина, метнулся в сторону и ударом кулака бросил меня на землю. С глухим жужжанием над моей головой пронеслась стрела.

Я не успел от падения прийти в себя, как увидел стоявшего надо мною Бастоса, левой рукой держащего за косматую седую шевелюру старого согнутого индейца с лицом, вымазанным в серую краску, пустившего в меня из лука смертоносную стрелу.

Я вскочил на ноги и успел заметить яростный взгляд старика, брошенный на своего победителя. Индеец не делал попытки сопротивляться, и Бастос поволок его к выходу, держа своей железной рукой за ним, потирая плечо, ушибленное при падении, следовал я.

Через секунду появился Карлос, обратившийся сразу же с пространной речью на непонятном нам языке к нашему пленнику.

Индеец молчал, не отвечая на вопросы выходящего из себя Карлоса и только пробормотал, наконец, несколько слов, от которых наш переводчик затрясся в припадке бешеной злобы.

— Этот бандит говорит, — сказал Карлос, — что мы все не увидим света наступающего дня.

— Оставьте его! — вмешался спокойно стоявший майор Бастос. — Но только свяжите его, чтоб он не мог убежать. А теперь пойдем осмотрим лучше деревню.

Оставив нашего пленника под надежной охраной, мы пошли по дороге, делившей деревню на две части.

Пустынное кладбище.

Мы обошли все дома и, за исключением нескольких пауков, выбежавших из домиков сколопендр, мы не нашли ничего живого. Если бы не оставшиеся почти в каждой хижине различные украшения и посуда, свидетельствовавшие о поспешном бегстве, мы были бы убеждены, что здесь индейцев и в помине нет, что деревня давным-давно покинута ее обитателями.

Но нечего было больше делать, и Бастос дал приказ готовиться к привалу.

Несколько часов прошли без изменений, и мы расположились на ночевку.

На этот раз он был осторожней. Палатки не были расставлены, а просто мы все улеглись в кружок, освещенные многочисленными кострами. Количество часовых было утроено, и смена должна была производиться каждые два с половиной часа.

Бастос лег около меня. Спать нам не хотелось и чтобы убит время — мы обменивались впечатлениями.

Час прошел незаметно. Вдруг послышался выстрел и раздались дикие крики. Не прошло и секунды, как мы все были на ногах.

Мы слышали нечеловеческий вой и при свете костров увидели темные тени, бросившиеся на нас.

Началась бешеная свалка. Не видя ничего впереди нас и, рискуя попасть друг в друга, мы открыли беспорядочную стрельбу, сопровождавшуюся дикими криками нападающих.

Вдруг голос Бастоса, доминирующий весь этот адский шум, вернул нам спокойствие и, выстроившись в более или менее правильный круг, мы начали осыпать врагов пулями, в ответ на которые падал на нас дождь стрел.

Бой длился недолго. На этот раз при помощи наших револьверов и винчестеров, мы вышли победителями и так же незаметно, как напали на нас, так же незаметно и скрылись индейцы, оставив на поле сражения много убитых и раненых.

Не разбирая никого, мы сволокли все тела в кучу и, конечно, в эту ночь мы больше не спали.

Наконец, наступил долгожданный рассвет и мы снова могли действовать.

***

Враг понес потери гораздо более тяжкие, чем мы. У нас выбыло убитыми и ранеными из строя не больше двадцати человек, в то время как у индейцев, не считая пленных, было убито около пятидесяти человек, которых мы подобрали, и почти столько же было раненых, находившихся в нашей власти.

Впервые в жизни мне пришлось воочию увидеть суд над пленными.

Почти все пятьдесят раненых после наскоро импровизированного суда, были здесь же убиты. Я не буду, чтобы не вызывать чувства омерзения у читателя, описывать сцену суда и казни, но скажу одно, что их не расстреляли, а для того, чтобы сберечь пули, перерезали ножами, оставшихся же в живых, страшными нечелове-

ческими пытками заставляли говорить и указать, где находятся остальные индейцы.

Рассказы Фенимора Купера о выносливости индейцев — ложь. Не прошло и часа, как месторасположение остальных было известно Бастосу, и предавших своих соплеменников, постигла та же участь. После полного сознания, их также перерезали, несмотря на то, что Бастос обещал даровать им жизнь в случае предательства.

Бой с остальными был очень короток. В ту же ночь мы окружили их и почти без всяких для нас потерь, половину перебили, а остальных взяли в плен.

Экспедиция наша была закончена. Но теперь осталась самая главная задача — «умиротворить» остальных племена жившие неподалеку.

Этой стороны экспедиции я не коснусь, а расскажу только о нравах и обычаях покоренных и оставленных в живых индейцев.

***

Я всегда думал, что индейцы краснокожие, но честно покаюсь, что эти индейцы ничего общего с краснокожими не имеют.

Темно-коричневого цвета кожа, приплюснутый нос, прямые и гладкие волосы, чуть-чуть косые и узкие глаза и выдающиеся скулы, резко характеризуют южно-американских индейцев.

Отчаянная грязь и нечистоплотность царят в их хижинах, в которых живут они с многочисленными обыкновенно семьями; любопытно, что в той же хижине помещаются и домашние животные, главным образом козы и овцы.

Запах стоит такой, что даже у очень крепкого человека начинает кружиться голова.

Тело и волосы их сплошь покрыты паразитами, так что всякий европеец, рискнувший войти в такую хижину

хотя бы на минуту, моментально облепливается сотнями вшей и всякой другой дрянью.

Женщины менее грязны, чем мужчины, но все же, я могу с уверенностью утверждать, что слово «чистота» в их словаре отсутствует.

Носы, уши, губы как мужчин, так и женщин пробурены насквозь и в эти отверстия вложены всякие

Главный индейский бог.

украшения, кстати, довольно искусно сделанные; кроме того, лица и тела их изрезаны круглыми шрамами, при чем замечу, что чем больше шрамов, тем индеец пользуется большим почетом у своих соплеменников. Мне удалось сосчитать на одном из них сто сорок шрамов.

Жизнь и обычаи чрезвычайно просты и патриархальны.

Мужчины ходят на охоту и воюют с соседними племенами, а женщины занимаются домашними работами, возделывают землю, собирают дрова и изготавливают

украшения и материи, в каковой области они достигли совершенства.

Мужчина только изготавливает оружие. Это его единственное трудовое бремя после охоты и рыбной ловли.

Дети до четырнадцатилетнего возраста опекаются матерью. Перейдя этот возраст, дети разделяются. Девочки остаются при матери, а мальчики поступают в ведение отца, который обучает их обращению с луком, удочкой и военному искусству.

В восемнадцать лет каждый молодой индеец достигает совершеннолетия, которое ему не дается автоматически, но которое им завоевывается. Он должен либо принести три головы врага, либо убить определенное количество хищных зверей. Так как те и другие имеются в изобилии, то в большинстве случаев, молодой индеец, если не умирает, скоро и официально становится совершеннолетним.

В двадцать лет молодой индеец обязан для продолжения рода жениться. Ему назначается вождем племени невеста, которую он также обязан завоевать. Он получает большую перчатку, род рукавицы, в которую насыпают безумно жалиющих красных муравьев. Индеец-жених одевает эту рукавицу и терпит неслыханные мучения. Малейший стон, сорвавшийся с его уст — и племя его убивает, но в девяносто девяти случаях из ста почти без всякого как будто напряжения, он выдерживает это испытание, получает жену, приданое и превращается в полноправного члена индейской общины.

О правах женщины я не буду поминать, ибо прав у нее нет никаких. А есть только обязанности и притом очень суровые.

***

Самым важным человеком в индейской общине, после вождя, бывает колдун.

Звание колдуна переходит по наследству от отца к сыну и с пятнадцатилетнего возраста сын колдуна посвящается в это звание своим отцом.

Самого обряда посвящения я не видал, но слышал, что обряд совершается в полнолуние в присутствии всей деревни и сопровождается обыкновенно человеческим жертвоприношением, при чем жертва съедается здесь же на месте семьей колдуна и вождем.

***

В случае войны побежденное племя частью обращается в рабство, а частью убивается, при чем не нужно забывать, что в XX в. в Южной Америке и, главным образом, в Барзилии, среди индейцев развито людоедство. Жены и дочери побежденных переходят в собственность победителей, а сыновья без сожаления немедленно убиваются.

***

Я пробыл среди индейцев около трех месяцев и очень близко познакомился с их нравами и обычаями, но повторяю, во второй раз мне туда возвратиться не хочется.

Действительность превосходит любую сказку. И долго, очень долго, может быть сотни лет еще, в Бразилии будут совершенно неисследованные места, где будут жить индейцы, вытесняемые все дальше и дальше белыми людьми, упорно борющимися за свою гегемонию.

Ю. Баратов.

1.200 КИЛОМЕТРОВ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Рекордный полет аэростата 15 — 16 марта 1927 г. Впечатления участника полета К. Кирпичникова.

Вечерело... Огромный воздушный шар возвышался над площадью Жертв Революции... Шли последние приготовления. К сетке шара прицепляли маленькую корзину, сплетенную из ивовых прутьев... В этой корзине мы должны были совершить наше интересное путешествие... Куда мы понесемся, сколько времени продержимся в воздухе — для нас это было тайной — все зависело от различных случайностей, от воли воздушных течений... Наконец, приготовления закончены. Последние пожатия руки и мы влезаем в корзину...

Там уже хозяйничает пилот тов. Елифтьерев, устанавливая приборы, размещая мешки с балластом и тюки с литературой. Полет организуется издательством «Красная Газета», совместно с Авиахимом СЗО, и мы берем с собой агит-листовки, напечатанные издательством. В корзине настолько тесно, что нельзя просунуть ноги и встать на дно, а потому мы временно садимся на борт и держимся за подвесные стропы... Раздается команда...

Воздушный шар, выпущенный из рук красноармейцев, медленно поднимается в воздухе и несется над площадью, провожаемый приветственными криками огромной толпы зрителей... Если на земле был довольно резкий ветер, то здесь в корзине никакого движения ветра мы не чувствуем... Земля уплывает из-под наших ног, совершенно не ощутимо для нас... Шум снизу доносится все глуше и глуше и, наконец, нас окутывает полнейшая тишина и спокойствие...

Здесь, на высоте в 150 метров, мы чувствуем себя в полнейшем одиночестве, совершенно оторванными от земли, как-будто мы являемся жителями маленького мира, несущегося в пространстве. Не успели еще мы освоиться со своим положением, как замечаем, что на нас быстро надвигается шпиль Инженерного замка... Наша корзинка много ниже уровня креста, установленного на верхушке шпиля. «Товарищ Елифтьерев! — говорю я. — Смотрите, как бы нам не столкнуться!». Но пилот не дремлет. Он держит наготове мешок балласта (песок), чтобы выбросить его в последнюю минуту. Несколько мгновений томительного ожидания и мы проносимся благополучно в нескольких метрах от креста...

Теперь можно оглянуться кругом... Воздушный шар быстро идет вверх и скоро мы плывем на высоте в 450 метров. Под нами весь Ленинград, освещенный миллиардами огней... Вот мы пересекаем проспект 25-го Октября (б. Невский). Яркой узкой полосой он прорезает город. Трамваи кажутся игрушечными. Фонтанка превратилась в извилистую белую тоненькую ленточку. Вдали видна Нева... За ней обрисовываются знакомые по карте очертания Васильевского острова, Петроградской стороны, Большой и Малой Охты... Виден остров Котлин, чернеющий посредине белоснежной пустыни Финского залива. Мы на высоте в 600 метров... Незабываемое по красоте зрелище! Через 12 минут мы выходим за пределы города, а еще через 20 минут пересекаем западные окраины Детского Села. Теперь мы знаем, что нас несет на юг и что мы двигаемся со скоростью около 60 км. в час.

Но что будет дальше? Этот вопрос возбуждает в нас сильнейшее любопытство... Прежде всего надо устроиться на ночь, ибо сидеть до утра на борту корзины не хватит сил... С большим трудом мы вытаскиваем из-под ног несколько мешков с балластом и вывешиваем их за борт. После этого уплотняемся, т.е. двое садятся на два сиденья, а третий на кипу листовок, притиснув ноги так, что шевельнуть ими нет никакой возможности. От наших движений корзина качается; поневоле обращаешь внимание на тонкие подвесные стропы и думаешь: не оборвутся ли? Такой случай был, но, к счастью, аэростат находился еще на земле.

Устроились... На коленях у пилота десятиверстная карта... Ориентироваться по ней замечательно легко. Земля сверху кажется гигантской картой; с поразительной ясностью на ней выделяются белыми пятнами озера, извилистыми лентами — реки, тонкими полосками — дороги. Приходится лишь сравнивать обе карты — маленькую и большую и карандашом наносить на маленькую карту путь следования аэростата.

Вечером ландшафт внизу освещен ярким лунным светом, карту на коленях мы освещаем электрическим фонариком. Электрический свет помогает читать показания приборов: анероида (показатель давления и высоты), барографа (самозаписывающего прибора высоты и давле-

ния), термометра и часов. Каждое сколько-нибудь заметное событие мы заносим в книжку пилота.

Когда мы вылетали из Ленинграда, все нам советывали одеваться теплее. Обычно так и случается: с высотой температура понижается. На этот раз мы были удивлены сравнительно высокой температурой, которую мы встретили на высоте в 300—400 м. Термометр показывал + 2, + 3 Ц. На нас были тяжелые меховые шубы, валенки, меховые шляпы и рукавицы... Стало жарко и мы сняли шляпы и рукавицы... Наступала ночь... Внизу под нами медленно проплывали леса, поля, местами покрытые еще снегом, и все это было обито ярким лунным светом... Временами на нашем пути встречались деревни... Огни в избах были уже потушены, но снизу еще доносились голоса, женский смех... Пилот вынимает рожок и дает сигналы... Громкий резкий звук прорезывает тишину ночи... Нас заметили. Тов. Проценков (второй пассажир, рабочий Путиловского завода) кричит:

— Ка-кая деревня?

— Мо-о-крица! — отвечают снизу.

Еле успеваем ухватить звук, как деревня остается далеко позади. Ведь мы несемся со скоростью курьерского поезда... Вдали светятся огни Новгорода. Приблизительно мы уже знаем, что должны будем пройти над огромным озером Ильменем. Пролетаем над деревнями, расположенными на северном берегу Ильменя... Все погружено в глубокий сон... Тов. Елифтьерев дает сигналы из рожка... Первыми просыпаются собаки... И вскоре вся деревня заливается бешеным лаем.

В 11 часов вечера мы вступаем в пределы озера Ильменя... Оно покрыто льдом. Перед нами необъятное безбрежное пространство и мы должны его пересечь... Над озером идем медленно и низко... На поверхности льда ясно обрисовываются трещины и полыньи. Временами ночную тишину прерывает треск лопающегося льда... Вспоминаем Амундсена и его путешествие к Северному полюсу на дирижабле. Над озером мы шли 1 ч. 27 мин. Затем снова поля, леса, деревни, железные дороги... И лунный свет. Вслед за аэростатом по земле ползет огромное черное пятно, точно гигантский черный паук бежит за нами вдогонку. Это тень от нашего воздушного шара.

К утру стало холоднее, термометр показывает — 3½°. Согреваемся вином и закусываем. Около пяти часов утра на востоке появляются первые признаки рассвета и через час с высоты в 425 м. мы встречаем дивный восход солнца. Наш аэростат недалеко от г. Ржева, т.е. почти в 500 километрах от Ленинграда. Становится все теплее и теплее... Солнечные лучи начинают разогревать газ внутри оболочки аэростата, мы быстро идем на подъем. К семи с половиной часам утра температура на солнце достигает + 9°Ц, высота почти 1.000 метров. Ржев остался позади, впереди должен быть Гжатск. Предполагаем быть там через 2 часа, но уже через час пролетаем совсем близко от Гжатска и по пройденному расстоянию узнаем, что мы двигаемся со скоростью почти в 100 км. в час. К 10 часам утра достигаем наивысшей точки нашего подъема — 2.000 м.

Посел. нами далеко во все стороны раскрывается дивный вид; воздух необычайно прозрачный, все предметы, даже самые медьчайшие, выделяются необычайно отчетливо на белоснежной поверхности земли. Мы летим над густо населенной местностью... Сразу в поле нашего зрения можно насчитать до 100—150 деревень. Людей не видно и обозы, медленно ползущие по дорогам, кажутся микроскопическими муравьями, уснувшими на тропинке. Здесь на большой высоте мы наблюдаем вихревые движения. Иногда чувствуется дуновение ветерка. Воздушный шар делает несколько медленных оборотов вокруг своей вертикальной оси. Солнце немилосердно палит... С 10½ часов утра воздушный шар медленно пошел на снижение. Временами снижение переходит в падение. Мы бросаем листовки и они вместо того, чтобы падать вниз резко взлетают вверх. Это доказывает, что мы падаем быстрее листовок. В такие моменты пилот выбрасывает немного балласта и падение наше временно приостанавливается.

К двум часам дня мы спустились уже на высоту менее чем в 1.000 метров. С этой высоты люди становятся отчетливо видными. Пролетая над деревнями, мы видим, что появление нашего воздушного шара вызывает сенсацию. Из изб выбегают крестьяне, на улицах момен-

тально собираются толпы людей. Почти ежеминутно мы сбрасываем листовки, при чем стараемся угадать, чтобы их относил ветром именно в деревню. Около двух часов дня решаем посадить тов. Проценкова, чтобы летать дальше вдвоем и, если можно, продержаться еще ночь. Воздушный шар быстро опускается к земле... Вот мы уже на высоте 200—100 метров... Пилот выбирает место посадки... Низко пролетаем над деревней, следим только, чтобы гайдропом (канатом, выпущенным из корзины) не задело за крыши изб... Если на большой высоте нам казалось, что мы летим очень медленно, то здесь, близко от земли, нам стало ясным, что мы двигаемся с громадной быстротой.

В одно мгновение мелькнул крестьянский двор, огороженный строениями с соломенными крышами, в глазах запечатались гуси, бараны, собака, с удивлением поднявшая голову, и мы уже неслись за пределами деревни. Здесь, близко от земли, чувствовался холодный и сырой воздух. Воздушный шар начал быстро охлаждаться и падать. Перелетев деревню, мы сразу же коснулись

над Льговом, где сходятся 4 железнодорожных линии, и слышим выстрелы. Предполагая, что это стреляют по нас, даем сигналы из рожка... Ослабевший шар все время тянется книзу. Наконец, пилот выбирает место для спуска у опушки леса и выпускает газ, открывая клапан. Шар спускается и стремительно несется над землей, задевая ее гайдропом. В нужный момент пилот дергает за веревку от разрывной ленты, наша корзина пролетает над лесом, задевая верхушки деревьев, и мы со всего размаха падаем на склон оврага, занесенного снегом. Корзина лежит на боку в овраге, а воздушный шар бьется в последней агонии на его возвышенности...

Первым делом, лишь только мы вылезли из корзины, — отойти от аэростата и закурить. Овраг занесен снегом и мы проваливаемся ниже колен. Через несколько минут сбегаются крестьяне и от них мы узнаем, что спуск произошел в селе Ширково, Больше-Солдатинской волости. Курской губ., в 70 км юго-западнее Курска. Втроем на маленьком аэростате мы пролетели по прямой 1.080 км (по линии полета 1.200 км), побив тем самым всесоюзный

гайдропом земли. Впереди был овраг. Воздушный шар, перескакивая через овраг, снова оторвался от земли и под влиянием тяжести начал быстро падать. За оврагом на расстоянии нескольких километров расстилась гладная степь. Все остальное произошло чрезвычайно быстро... Пилот успел лишь нам крикнуть «держитесь крепче», как корзину ударило о снежную поверхность и поволокло по земле...

Навсегда осталась в памяти картина. Впереди с громадной скоростью бежит по степи огромное желтое чудовище, а за ним тащится корзина с людьми... Крестьяне, наблюдавшие наш удар о землю, вероятно, думали, что мы погибли... Пилот выбрасывает сразу $\frac{1}{2}$ мешка балласта и мы быстро отрываемся от земли. Теперь приходится обдумать свое положение. Тов. Елифтьев сообщает, что высадка пассажира при той скорости, с которой ветер дует на земле, невозможна и что нам остается лишь спуститься всем вместе. С печалью в сердце приходится покориться... и расстаться с мечтой о второй ночи на воздушном шаре...

Решаем использовать балласт до конца. Его остается немного и хватает всего на $1\frac{1}{2}$ часа полета. Пролетаем

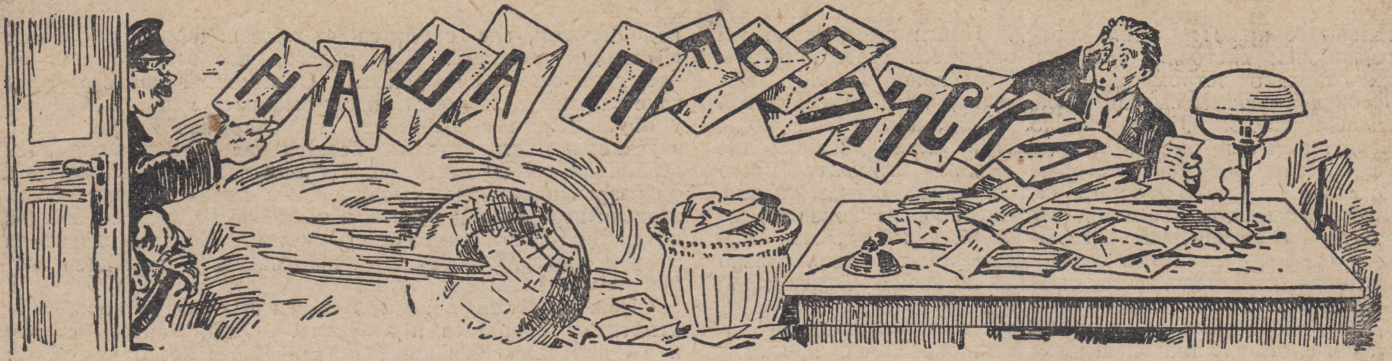
рекорд дальности 1.002 км. В воздухе мы продержались 20 ч. 40 мин. и средняя скорость нашего полета была около 60 км в час.

Встреча крестьян носила самый радушный характер. Тотчас же, даже без приказа председателя сельсовета, прибыли сани, воздушный шар с помощью крестьян был быстро убран и отправлен на ближайший хутор. Целый день в нашей избе толпились крестьяне. Пришли школьники во главе с учительницей. Расспросам не было конца... То же самое было и на следующий день, когда мы прибыли на ст. Льгов. Узнав, что приехали «летчики», молодежь специально приходила смотреть на нас.

До Курской губ. из Ленинграда мы долетели за 20 часов, обратно возвращались 4 дня. И вот ночью, в скором поезде, с которым мы ехали из Москвы, как раз в нашем вагоне сломалась ось. Несколько минут, прежде чем поезд остановили, вагон волочило по рельсам. Вспоминаешь этот случай и невольно начинаешь думать, что путешествие на воздушном шаре куда безопаснее путешествия по железным дорогам.

К. Кирпичников.

П. Степанову, Л. Жатону, Г. Я. Прокофьеву, Г. Ушкову, А. Л. Лалыка. — Спасибо за добрые пожелания и полезные указания, которые будут нами использованы.

А. Дуброву. — Подписываться с № 3 можно на два месяца, а на три месяца подписываться с № 7.

В. И. Плахову. — Досылать подписную плату для получения журнала с приложениями еще не поздно. — Новые подписчики с первого номера принимаются на любой срок.

Косте Логинову. — Продлить подписку нужно до истечения срока, во избежания перерывов в получении журнала.

В. К. — Рассказ А. Конан-Дайля «Приключение черного пуделя» помещен в этом номере под другим названием.

Третьякову. — Обложка журнала иногда будет выходить в другом цвете — Кроме уже объявленных премий к журналу других не предполагается. — Фамилии лиц, правильно решивших задачи и конкурсы, в нашем журнале печатаются.

Подп. № 1042 и Л. Д. Петрову. — Все подписчики, живут ли они в Ленинграде, или в каком-либо другом месте — безразлично, участвуют в розыгрыше премий на одинаковых началах. С наступающим номером рассылаются билеты на право участия в розыгрыше. Каждый билет имеет свой особый номер. На чей номер падет выигрыш — дело уже слепого случая.

М. Ячкину. — Кроме конкурса «Живая цепь» редакцией будет поставлен в ближайшем будущем второй конкурс на сообразительность с еще более богатыми премиями. Новый конкурс пойдет с № 8.

Многим нашим подписчикам.

Каково должно быть наименьшее число слов-названий в «живой цепи»? — спрашивают многие наши подписчики.

Во всяком случае, не менее нескольких десятков, начиная с 30 слов и выше. Выигрывает же тот, кто составит и длинную и верную цепь. Можно составить и очень длинную цепь, но только будет ли она удовлетворять всем условиям конкурса, указанным в № 3 и 4 нашего журнала.

СЛЕДИТЕ ЗА ПОЛУЧЕНИЕМ С НАСТОЯЩИМ НОМЕРОМ БИЛЕТА НА ПЕРВЫЙ РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ.

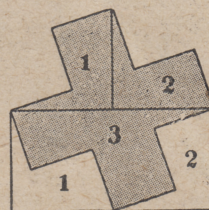
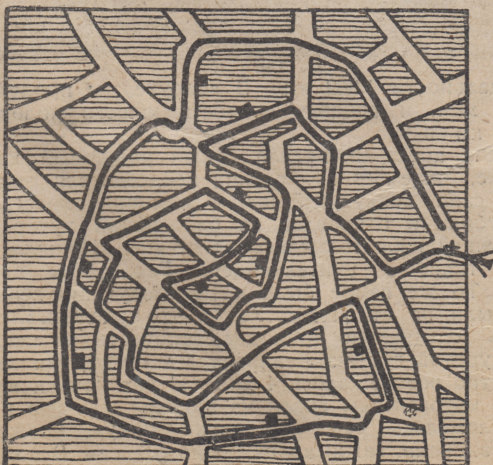
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 4

Женские закупки.

Бумажный креп стоил 60 центов, а вуаль 90 центов. Таким образом, м-с Смит получила по десять метров каждого материала, всего на сумму 15 долларов.

Решить задачу хороший счетчик мог в 10 минут.

Как он шел?

Греческий крест.

Диаграмма указывает способ превращения креста в прямоугольник с высотой вдвое большей основания, путем видоизменения его трех частей.

Задачу следовало решить в 10 мин.

Сколько лет отцу.

В задаче ошибочно стоит «дедушка» вместо «батюшки» (отца).

Отцу было 36 лет, матери 32, сыну 8, что составляет в общем итоге 76 лет.

На решение задачи надо было употребить 4 минуты.

Знак мо ады.

Диаграмма изображает знак монады, разделенный на 2 темновые и 2 светлые части, все четыре части одинаковых размеров и форм.

Решение задачи в 6 минут указывает на хорошее чувство формы.

10000 Слов немецких

Это не школьное руководство, а богато иллюстрирован. новейший самоучитель немецкого языка. Занимательный по своему содержанию, он легок в усвоении и экономен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в шесть месяцев.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Требуйте у всех газетчиков, в книжных киосках и на вокзалах.

2 руб. Весь курс из 15 выпусков по подписке. **2 руб.**

ЛЕНИНГРАД, Фонтанка, 57. „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

САМОУЧИТЕЛИ ДОМАШНИХ РЕМЕСЛ

Как кроить и шить одежду с 93 рис.—70 к. Как шить обувь с 90 рис.—70 к. Как делать игрушки с 36 рис.—40 к. Как выжигать по коже, бархату, материи, папке, рогу, кости и стеклу с 40 рис.—80 к. Как делать приборы для опыт. со статич. электр. и электр. ток. с 54 рис.—80 к. Как проводить электр. звонки с 21 рис.—45 к. Как делать игрушки из бумаги с 23 рис.—50 к. Паяние в домашн. быту с 18 рис.—45 к. Как самому перепл. книги с 31 рис.—55 к. Как делать сандалии с 19 рис.—40 к. Как варить дома мыло—40 к. Как делать ваксы и мази для обуви—45 к. Как вырезать игрушки из дерева с 30 рис.—65 к. Как делать чернила—65 к. Как делать колбасы—30 к. Как сделать крахмал и патоку—30 к. Как делать игрушки из ткани с 21 рис. и табл. и выкройк.—1 р. Работы из рога и копыта—40 к. Скорняжное дело—выделка и краш. мехов—35 к. Зеркальное произв.—куст. спос. наводки зеркал—80 к. Квасовар-любит.—70 к. Колесная мазь произв.—75 к. Домашн. приготвл. сахара 2 брош.—65 к. Работы из папье-маше—50 к.

Цены указаны с пересылкой. Налож. плат. на 10 коп. до рож. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно марками. Новый каталог на 1927 г., 96 стр., более 2.400 назв., высылается за 30 коп. марками. Требования адресовать в ЛЕНИНГРАД, НОВО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РЫНОК, № 93. КНИЖНОМУ МАГАЗИНУ М. П. ПЕТРОВА (б. стар. фирма А. Сухова).

Подыскиваем и выслаем по требованиям заказч. все книги по ремесл., популярн. технике, электротехнике и химической технологии. На запросы прилагать марки.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Обязательно указывайте, во избежание путаницы, являетесь ли вы подписчиком новым или же только продолжаете свою старую подписку

НА ЖУРНАЛ

„ВОКРУГ СВЕТА“

Несвоевременный выход журнала „ВОКРУГ СВЕТА“ вызвал целый ряд запросов со стороны подписчиков, которым мы считаем необходимым дать следующие разъяснения:

- 1) Подписчикам, подписавшимся в октябре, ноябре и декабре и внесшим подписную плату в размере 40 или 50 копеек, разосланы №№ 1 и 2 журнала.
- 2) Некоторые одновременно подписывались на ноябрь и декабрь 1926 г. а также и на 1927 год (на несколько месяцев). Эти подписчики уже получили №№ 1 и 2 журнала, остальные же номера будут получать в зависимости от досланной ими суммы (сверх 40 или 50 коп.). Рекомендуется досылать деньги так, чтобы получалась подписка на 3, 6 или 12 месяцев.
- 3) Подписчики, переславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются №№ 1 и 2. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.
- 4) Каждый, приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того с какого месяца он указывает подписку.
- 5) Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, выслаются все вышедшие номера.
- 6) Условия розыгрыша, порядок и сроки его, разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала „ВОКРУГ СВЕТА“. Разъяснения даются и по запросам читателей.
- 7) Первый номер приложения „По суше, морю и воздуху“ выходит с 4-м номером.
- 8) Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июня дать 10 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 года.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ПЕРВЫЙ РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ

АПРЕЛЬСКИЙ РОЗЫГРЫШ:

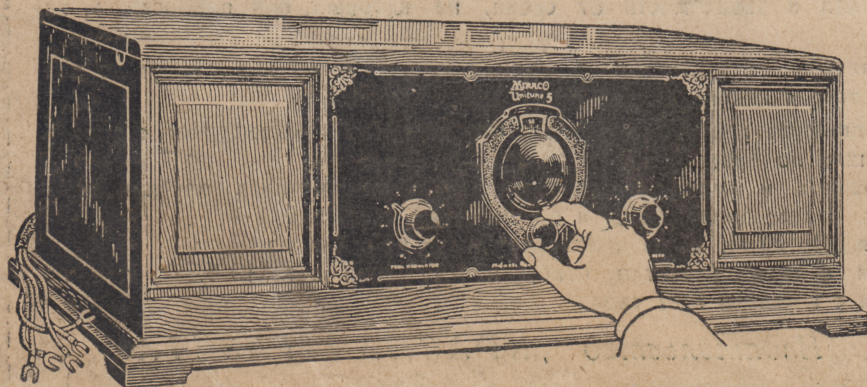
- 1 Радио-аппарат
- 1 Фотограф. аппарат
- 2 Велосипеда
- 5 Самопишущ. перьев
- 6 Пар буц
- 6 Футбольных мячей
- 15 Рыболовн. наборов
- 30 Перочинных ножей

Самопишущее перо

Ящик для радио-приемника

Буцы и мячи

